The background of the book cover is a detailed illustration of a family of seven people in a library. The father, a man with a beard in a dark military-style uniform, sits in a blue upholstered chair in the center. The mother, a woman in a pink dress with a crown, stands behind him. They are surrounded by six children in light-colored dresses. The library has tall wooden shelves filled with books on both sides. In the background, an open doorway reveals a garden with a large wooden cross and a table with a red cloth. The overall style is reminiscent of a classic painting.

СЕРГЕЙ ФОМИН

« ЦАРСКОЕ ДЕЛО »
Н.А. СОКОЛОВА

И

« LE PRINCE DE L'OMBRE »

КНИГА ВТОРАЯ

Сергей Фомин

**«Царское дело» Н.А. Соколова
и «Le prince de l'ombre». Книга 2**

«КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО»

2021

УДК 323.4
ББК 63.3(2)6

Фомин С. В.

«Царское дело» Н.А. Соколова и «Le prince de l'ombre». Книга
2 / С. В. Фомин — «КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ СВЯТОГО
ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО» , 2021

ISBN 978-5-4249-0075-3

Продолжение истории о следователе Николае Алексеевиче Соколове – человеке высокого мужества, необычайной стойкости, верности, неподкупности и честности. О главном его деле, – расследовании убийства Царской Семьи, которое, без преувеличения, стало и делом жизни и смерти всей Исторической России. О личности, понявшей и всем сердцем принявшей сформулированный временем и судьбой тезис: «Правда о смерти Царя – правда о страданиях России», и собственной жизнью, а затем и смертью подтвердившей его.

УДК 323.4
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4249-0075-3

© Фомин С. В., 2021
© «КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ РУССКИЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ
ВЕЛИКОГО» , 2021

Содержание

Развязка	7
Накануне перемен	8
Письмо князя Николая Орлова	37
Поездка в Америку	41
«Нельзя себе представить работы более серьезной»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	70

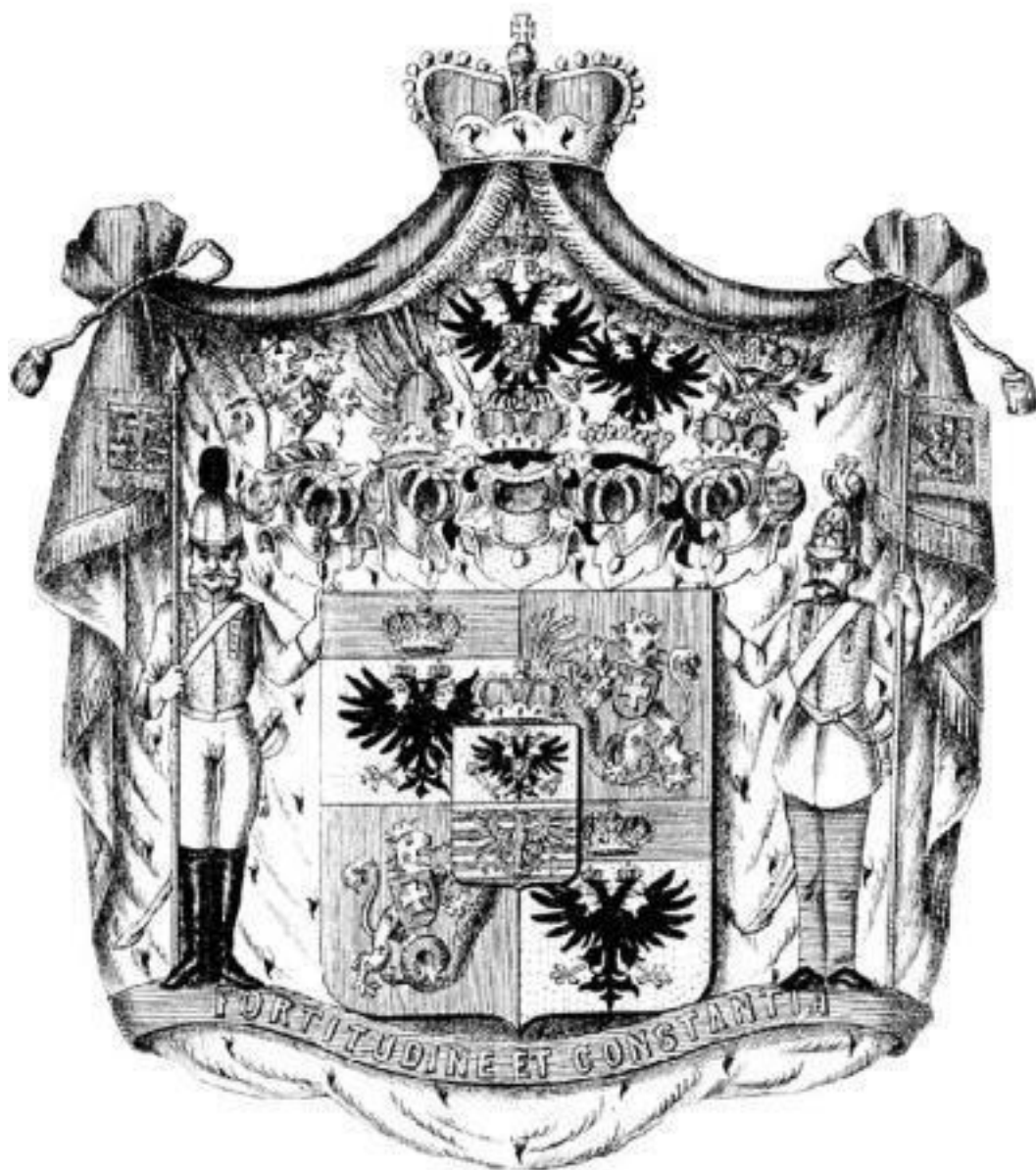
Сергей Фомин
«Царское дело» Н.А. Соколова и «Le
Prince de L'ombre». Книга вторая

Русский Издательский Центр имени святого Василия Великого

© Сергей Фомин, 2021

© Русский издательский центр имени святого Василия Великого, оригинал-макет, оформление, 2021

Развязка

Следователь Николай Алексеевич Соколов на глиняной площадке у кострища рядом с шахтой на Ганиной яме, где им были обретыны Царские останки и принадлежавшие Императорской Семье вещи. 1919 г.

Накануне перемен

Ну вот и пришло, наконец, время для последних глав нашей книги. Эта завершающая ее часть сама по себе будет по объему, видимо, не столь уж маленькой, однако хронологически она охватывает период менее чем двух лет жизни следователя с выходом, правда, за эти временные пределы при описании судеб следственного дела, семьи Н.А. Соколова и тесно связанного с ним в эти годы князя Николая Владимировича Орлова – «Le Prince de L'ombre».

Обстановка, в которой происходило всё это, была подробно описана нами ранее. То было время роста монархических настроений среди русской эмиграции, порожденных постреволуционной психологической травмой.

Судьба Царской Семьи в это время, по вполне понятным причинам, находилась в центре внимания всех этих людей, сорванных со своих корней. Больная совесть, вызванная глубинными воспоминаниями о личном «вкладе» в крушение Монархии в сочетании с внешним воздействием представителей возникшего на территории России государства, фундаментом которого стало цареубийство, – то и другое порождало ту открытую (либо укрывавшуюся за разного рода благовидными оговорками) ненависть к тому, кто посмел найти и сказать Правду о том, как ЭТО стало возможным и *было*.

Извлеченная следователем на публичное обозрение вина колола глаза, жгла души этих очень по-разному причастных к преступлению людей.

Красноречивым было безразличие к открытому Н.А. Соколовым – пока он был жив – и церковной иерархии...

В таких обстоятельствах он должен был прекратить говорить: добровольно ли, нет ли.

«Доколе будете мучить душу мою и терзать меня речами?» (*Иов. 19,2*).

Важно учитывать также разворачивавшуюся как раз в то время активную внутрдинастическую борьбу за первенство, похоронившую по существу возможность восстановления в России Монархии, способствовавшую попутно легализации Красного правительства на Западе.

Мы уже писали о том, как, начиная с августа 1920 г., когда Советское правительство признала Латвия, медленно, но верно, перед большевиками капитулировали правительства западноевропейских стран. Особенно урожайными были как раз 1923–1924 годы.

Цареубийц признали даже те из них, в которых сохранился Монархический образ правления (Италия, Норвегия, Швеция) и даже те, Династии которых находились в близкородственных отношениях с Царственными Мучениками (Великобритания и Дания).

30 октября 1924 г. пала, официально признав СССР, Франция, в которой проживал следователь. Там же находились Царские мощи, следственное дело и вещественные доказательства.

Фрагмент иконы Видение матросу Силаеву с крейсера «Алмаз»

Установление дипломатических отношений означало практически легальное пребывание на территории страны чекистов.

«Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травюю обвита была голова моя» (Иона 2, 6).

В некоторых из тех стран, которые признали власть над Россией Красных комиссаров (в Англии и Франции, к примеру), в недалеком прошлом также успели уже лизнуть Королевской Крови/Sange Royal. (На важное созвучие последнего со Святым Граалем/Saint Graal обратил в свое время внимание В.И. Карпец).

Эта эпоха «признаний» совершенно неожиданно продемонстрировала, что дух цареворчества, чьим форпостом и наиболее ярким выразителем стала к тому времени оседланная Красным зверем Россия, был разлит уже и там.

Европейский оркестр, безпечно презрев собственную безопасность, решил вдруг добровольно предать себя в объятия коминтерновского удава, с любопытством пытаясь заглянуть в глаза большевицкому Вию.

А тот, ничтоже сумняшеся, используя чуждые его сути приманки (любовь к Родине, стремление к добру и справедливости), принялся – подобно вредоносному компьютерному вирусу – переформатировать всех подряд, превращая русских эмигрантов и граждан других стран из потенциальных своих врагов в «друзей СССР», относясь при этом к ним самим (по мере того как «мавры» исполнили свое большое или малое дело) с одинаковым безразличием, как к расходному материалу (весьма к месту тут, как нам кажется, вспомнить пресловутые «винтики»).

Совершенно очевидна принципиальная невозможность подобной «внешней политики» для Исторической России, впрочем, как и понимание той горькой неоспоримой истины, чьим же на самом деле прямым наследником является нынешняя РФ.

«Медовый месяц» для большевицких дипломатов продлился, однако, недолго. Вскоре, в связи со скандалом из-за т. н. «Письма Коминтерна» (сомнительного документа, однако *как бы подтверждавшегося* неоспоримыми фактами грубого вмешательства большевиков во внутренние дела почти всех без исключения стран, среди населения которых они сеяли слухи, разделение и смуту) Советы получили консолидированный решительный отпор.

Но, как оказалось, саму эту тенденцию было уже не переломить: игра в поддавки, идущая с тех пор перманентно, пусть и чередующаяся с кратковременными трепыханиями потенциальной жертвы, кардинальным образом ничего не меняла.

Заметим, кстати, что еще до установления официальных дипломатических отношений, на многие страны Запада уже была накинута сеть; главным образом через финансово-торговые круги по преимуществу еврейского происхождения. Немало тому свидетельств содержится в книге Эдварда Джея Эпстайна «Арманд Хаммер. Тайное досье» (М. – Смоленск. 1999).

«Главная проблема в 1921 году, – пишет автор этого наделавшего в свое время в Америке много шума бестселлера, – состояла не в рекрутировании шпионов вне России – Коминтерн мог предоставить сколько угодно преданных делу людей, – а в организации связи с ними и в передаче им денежных средств.

Поскольку Россия не имела дипломатических представительств за рубежом, способных решать эту задачу, Дзержинский использовал в качестве крыши контролируемые Советами коммерческие организации. Он уже создал секретные базы для своих агентов в Европе – Всероссийское кооперативное общество в Лондоне, известное как АРКОС, и советскую торговую миссию в Берлине. [...]

В тех странах, где СССР создал такие полуофициальные торговые миссии, как Весторг в Германии и АРКОС в Англии, они могли служить временным плацдармом, во всяком случае, до дипломатического признания СССР, и обеспечить агентов должностями торговых представителей».

Глава красной дипломатии Г.В. Чичерин. Фото американской журналистки Элизабет Мэри Бесси Битти

Была схвачена и Америка: хорошо информированные люди называли ту же АРКОС «главным проводником советских шпионских денег, предназначавшихся для США и Канады».

Что до обстоятельств жизни Николая Алексеевича Соколова в эти последние два года, то о них нам известно крайне мало. Более того, в связи с этими весьма скудными данными существует часто взаимоисключающая разногласия.

Так что собирать материал нам приходилось буквально по крупицам, поверяя, по возможности, каждый вновь обретенный факт другими более или менее надежными источниками.

Так и рождались эти последние главы.

Ксавье Мария Альфонсо де Отеклок (1897–1935). Фото 1933 г.

Помимо отдельных публикаций, о которых по ходу повествования каждый раз будет сказано особо, были и такие, к помощи которых мы обращались неоднократно.

Одним из важнейших источников была выходившая с декабря 1930-го по январь следующего года в парижской газете «Petit Journal» серия публикаций французского журналиста и писателя Ксавье де Отеклока (Xavier de Hautecloque) (1897–1935) под общим названием «Что стало с Русским Царем» («Qu a-t-on fait du Tsar du Russie»).

Основой их были интервью, которые автор брал у генерала Мориса Жанена, М.Н. Гирса и князя Н.В. Орлова. Вот все эти публикации с отсылкой к соответствующим газетным номерам:

«I. Declarations du general Janin» (26.12.1930).

«II. La chambre № 2» (27.12.1930).

«III. Le “document 38” et le “mystere Jakovlev”» (28.12.1930).

«IV. Declarations de S.E. M. de Giers» (9.1.1931).

«V. Le calvaire du juge Sokoloff» (10.1.1931).

«Le prince Nicolas Orloff dans une lettre quil nous adresse apporte des precisions sensationnelles sur le mystere des reliques de la Famille Imperiale» (11.1.1931).

Большинство русских эмигрантов знало французский. Те немногие, которые им не владели, могли познакомиться с публикацией по переводу, который буквально на следующий день после выхода того или иного номера «Petit Journal» печатала крупнейшая газета Русского зарубежья – парижское «Возрождение».

Le Petit Journal

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Останки Царской Семьи

Журналистъ д-Отклокъ, на страницахъ газеты «Пти Журналь», началъ серію очерковъ подъ общимъ заглавіемъ — «Что случилось съ русскимъ царемъ». Толчкомъ послужило появленіе книги генерала Жанена, извлеченія изъ которой въ «Возрожденіи» уже приводились. Заявивъ во введеніи, что Государь былъ вѣрнымъ союзникомъ Франціи, палъ за общее дѣло и потому имѣетъ такое же право на признательность французовъ, какъ солдатъ французской арміи, павшій на фронтѣ, Отклокъ ставитъ два вопроса.

«Возрождение». Париж. 1930. 27 декабря. С. 1

Къ дѣлу объ екатеринбургскомъ злодѣяніи

ХРАНЕНИЕ СЛѢДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Въ книгѣ судебного слѣдователя Соколова, производившаго судебное слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Царской семьи, имѣются перечни предметовъ, найденныхъ частью въ Екатеринбургѣ, частью въ районѣ шахты «Четыре брата» вблизи города.

Такимъ образомъ все, имѣвшееся въ хранилищахъ, поступившее отъ судебного слѣдователя Соколова къ генералу Жанену, извѣстно. Всякій желающій можетъ вновь по книгѣ Соколова возобновить въ памяти то, что приложено къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ и перечислялось уже неоднократно въ печати.

«Возрождение». Париж. 1930. 28 декабря. С. 1

Газета под измененными заголовками напечатала и интервью с генералом Жаненом:

«Останки Царской Семьи»: «Возрождение». Париж. 1930. 27 декабря. С. 1.

«К делу об екатеринбургском злодеянии. Хранение следственного производства»: «Возрождение». Париж. 1930. 28 декабря. С. 1.

А потом и беседу с М.Н. Гирсом:

«Останки Царской Семьи»: «Возрождение». Париж. 1931. 10 января. С. 2.

Останки Царской Семьи

БЕСѢДА СЪ М. Н. ГИРСОМЪ

Отхлокъ, сотрудникъ газеты “Пти Журналь”, въ концѣ декабря помѣстившій въ своей газетѣ нѣсколько очерковъ о судьбѣ царской семьи, повидаль М. Н. Гирса и воспроизводитъ на страницахъ той же газеты разговоръ съ нимъ. Отхлокъ оговаривается: “М. Н. Гирсъ взялъ съ меня слово, что нѣкоторой части его разказа я не напечатаю. Къ этому обязываетъ его положеніе во Франціи”.

«Возрождение». Париж. 1931. 10 января. С. 2

Интервью с М.Н. Гирсом было опубликовано в сильно сокращенном виде. Весьма важные моменты редакция, без каких-либо оговорок, выпустила. Скорее всего, учитывая состав редакции «Возрождения», не случайно. К тому же следующая беседа Ксавье де Отхлока с князем Н.В. Орловым и описание его поездки в Сальбри вообще не печатались. Публикация неожиданно, без каких-либо объяснений, оборвалась.

Более полную перепечатку серии очерков французского журналиста можно найти в выходящей в Белграде газете «Царский Вестник» (1930. № 130), выходящей под редакцией Н.П. Рклицкого, ближайшего сотрудника митрополита Антония (Храповицкого), в будущем также Архиерея Зарубежной Церкви.

Однако и в этой газете не было опубликовано письмо князя Н.В. Орлова.

Другим важным (хотя и не столь ценным, как предыдущий) источником сведений является интервью у дочери следователя Наталии Николаевны Руллон-Соколовой, которое в августе 1992 г. взял Сергей Валентинович Мирошниченко (род. 1955 г.) – ныне известный отечественный кинорежиссер-документалист.

Беседа вошла в его ленту «Убийство Императора. Версии» («Урал-фильм. ТРИТЭ. 1995), удостоившийся за лучший неигровой фильм сразу двух премий: «Ника» и «Золотой Витязь». Четыре отдельных куска интервью можно увидеть и послушать в четвертой его части «Надпись на стене» (6.27-9.05; 10.02–11.04; 11.48–12.38; 59.18–59.55).

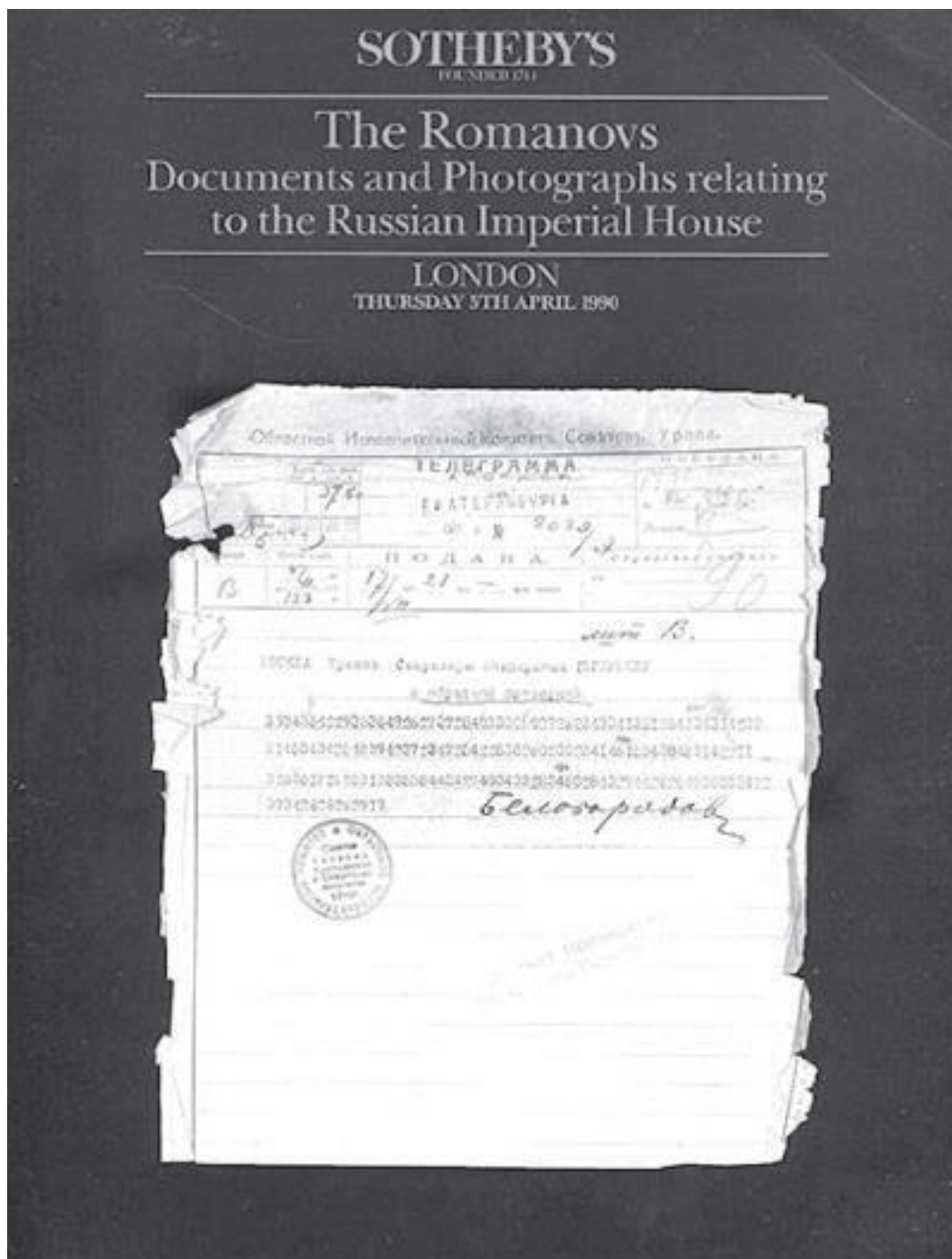
В первой части «Записка Якова Юровского» российский зритель впервые увидел (23.41–25.38) город Сальбри и местное кладбище с могилой Н.А. Соколова.

Сергей Мирошниченко беседует с Н.Н. Руллон-Соколовой. Кадр из фильма

Что касается самой беседы, расшифровку которой по мере нашей публикации мы воспроизведем полностью, то тут следует учитывать, что в момент смерти отца Наталье Никола-

евне едва исполнилось четыре года, а мать, на рассказы которой она теоретически могла опираться, судя по всему, многое скрывала, на что у нее были свои особые причины...

Обложка того самого 121-страничного каталога, составленного Джоном Стюартом: The Romanovs Documents and Photographs Relating to the Russian Imperial House: Auction, London, Conduit Street Gallery, 5th April 1990. Sotheby's 1990

Среди исследователей наиболее важное значение имеют публикации Джона Стюарта – английского эксперта, готовившего в 1990 г. к продаже на лондонском аукционе Sotheby's архив Н.А. Соколова, оказавшийся в ведении наследников князя Н.В. Орлова.

Человек этот был не случайным. Считавшийся одним из ведущих мировых экспертов по русскому искусству и знатоком русской истории, он отлично говорил по-русски, находился в

постоянном контакте с работниками Государственного Эрмитажа, одно время даже снимал в Петербурге квартиру.

Графиня Мария Георгиевна Клейнмихель (1893–1979)

Джон Спенсер Иннес Стюарт (1940–2003) – родился в Абердине (Шотландия), в семье фермера; учился в Итоне, где пристрастился к рисованию и познакомился с историей Русской Императорской Семьи. Тогда же он тесно сошелся с семьей русского эмигранта графа Владимира Петровича Клейнмихеля (1901–1982), будучи уже в Англии, одно время управлявшим имуществом Великой Княгини Ксении Александровны и в течение сорока лет бывшего старостой и казначеем лондонского прихода Зарубежной Церкви.

Джон Стюарт

В 1929 г. граф вступил в брак с овдовевшей во время гражданской войны княгиней Марией Георгиевной Голицыной (1893–1979), урожденной графиней Карловой – дочерью Герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого, праправнучкой Императора Павла I. Графиня, работавшая в начале своей лондонской жизни в мастерских для трудоустройства русских эмигрантов, в последние 12 лет была покровительницей Сестричества Святой Ксении.

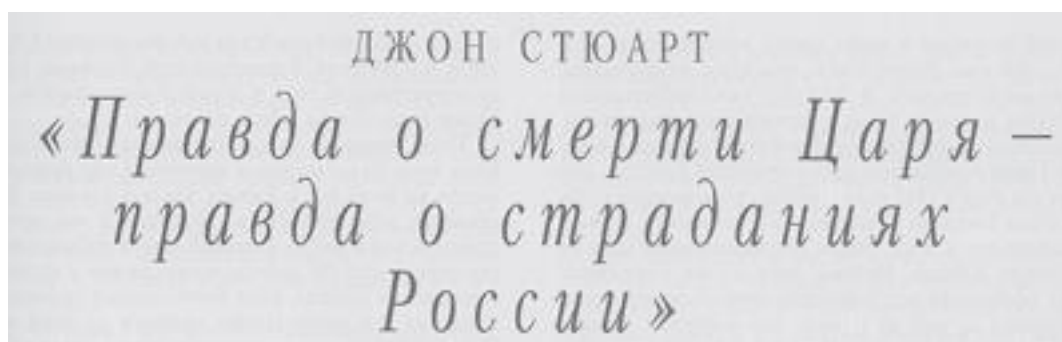
Граф и графиня Клейнмихели стали крестными родителями Джона, перешедшего в Православие.

После Итона Стюарт учился в Колледже Святого Иоанна в Кембриже, где он сначала изучал историю, а потом славистику, которую осваивал под руководством профессора Николая Ефремовича Андреева (1908–1982), доктора Карлова университета в Праге, последователя академика Н.П. Кондакова.

В начале 1960-х Стюарт вошел в состав русской православной общины в Лондоне, а в 1963 г. поступил на работу грузчиком в знаменитую фирму Sotheby's, при первой возможности (во время отпусков) совершая поездки в Россию, где учился в Москве в Художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря под руководством известного художника-реставратора Адольфа Николаевича Овчинникова.

В 1976 г. Джон Стюарт основал русский отдел Sotheby's, которым беззмечно руководил в течение двадцати лет. Это было время рекордных продаж предметов русской истории и искусства в Великобритании.

В 1996 г., оставив фирму, Стюарт создал собственное арт-бизнес-консультирование, сосредоточился на проведении исследований в области иконописи.

Скончался он 12 июля 2003 г. в Окли (графство Суррей) в возрасте 63 лет.

Наиболее ценной для нас работой Джона Стюарта, помимо каталога 1990 г.²⁰⁹, является его исследование, опубликованное в московском журнале «Наше Наследие» (Вып. 33. М. 1995. С. 32–45), к которому мы уже не раз прибегали ранее.

Другой публикацией, которую следует иметь в виду, является книга историка Николая Росса «La mort du dernier Tsar», напечатанная в 2001 г. в Лозанне.

Николай Георгиевич Росс родился в 1945 г. в Париже в семье русских эмигрантов. Окончил Парижский университет (Сорбонну), защитив там в 1973 г. кандидатскую диссертацию «Видение мира, человека и природы в России в эпоху Андрея Рублева». Преподавал в Страсбургском университете, в Институте Восточных языков в Париже. В последнее время он работал в одном из парижских лицеев.

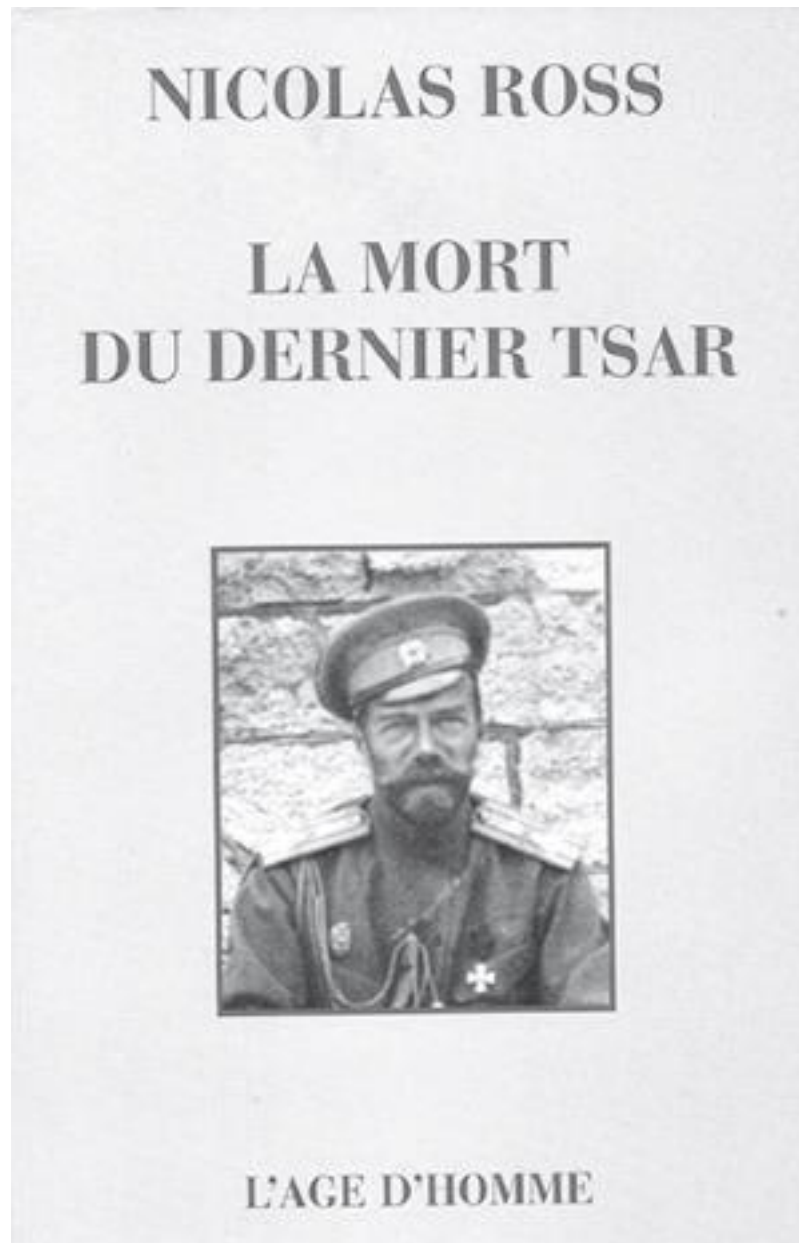

Николай Георгиевич Росс

В 1970-х Н.Г. Росс входил в состав редакции журнала «Грани», а в 1980-х участвовал в издании книг основанной А.И. Солженицыным серии «Исследования новейшей русской истории».

В 1987 г. во Франкфурте-на-Майне в издательстве «Посев» он выпустил известную публикацию документов дела Н.А. Соколова «Гибель Царской Семьи».

Именно этот сборник привел его к написанию 300-страничной книги «Смерть последнего Царя»²¹⁰ – заметного исследования, к сожалению, мало у нас известного. В 1999 г. в «Вестнике Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета» вышла лишь весьма небольшая его публикация на эту тему: «Судьба останков Царской Семьи: факты, домыслы и вопросы» (Сб. 2. С. 112–142).

Издательская обложка книги Николая Росса «La mort du dernier Tsar. La fin d'un mystere?» Lausanne. L'Age d'Homme. 2001. Автор – сторонник версии подлинности «екатеринбургских останков»

Alexandre Jevakhoff «Les Russes blancs». Editions Tallandier. Paris. 2013

Élie Durel

L'autre fin
des Romanof
et le prince de l'ombre

Élie Durel. «L'autre fin des Romanof et le prince de l'ombre». Éditions Lanore. Paris. 2008

Из других заслуживающих упоминания работ назовем книгу еще одного нашего соотечественника – Александра Борисовича Жевахова «Белые русские», которую мы уже упоминали²¹¹.

Наконец, упоминания заслуживает и другая увидевшая свет в 2008 г. в Париже книга – «Другой конец Романовых и князь тени» Эли Дюреля²¹², к которой мы также не раз обращались.

Она, как уже было нами однажды отмечено, содержит немало фантастических, вздорных и совершенно неприемлемых, с точки зрения здравого смысла, сведений. Чего стоит одно утверждение о том, что второй супругой следователя была-де никто иная, как укрывшаяся под именем Варвары Владимъ ровны Ромодановской Великая Княжна Мария Николаевна!

Однако наряду с этими смехотворными построениями в книге этой всё же есть немало интересных деталей, что вполне понятно: ее автор Эли Дюрель в течение нескольких лет жил в Сальбри, был знаком с некоторыми его старожилками, помнившими еще русского следователя.

Эти-то рассказы и пробудили интерес историка-любителя к необычной для французской провинции фигуре, приведя автора в местный архив, где он обнаружил несколько весьма любопытных документов, которые он и воспроизвел в своей книге.

Общим местом тех немногих авторов, кто писал о времени пребывания во Франции Николая Алексеевича Соколова, особенно о последних годах его жизни, была всячески подчеркивавшаяся его тесная связь с князем Николаем Владимировичем Орловым.

«Помощь и поддержку, – говорилось в некрологе “Памяти Н.А. Соколова”, – он нашел у тех, кто вчера были ему чужими и незнакомыми и кто затем стали его близкими друзьями»²¹³.

«С Н.А. Соколовым, – вспоминал в посвященном памяти следователя очерке один из его друзей, укрывшихся за псевдонимом А. Ирин, – я познакомился вскоре же после его приезда в Париж и нас сблизила с ним общность профессий и совершенно одинаковый взгляд на существо и значение для России этого небывалого в истории преступления. В течение долгих наших бесед Соколов открывал мне свою душу, терзаемую муками сомнения, муками отчаяния, которые им часто овладевали при виде козней многочисленных врагов и сознания своего одиночества, а, следовательно, и безсилия.

Да, Соколов был один, покинутый почти всеми, если не считать нескольких личных его друзей, среди которых нужно отметить, по роли сыгранной ими, князя Н.В. Орлова и светлейшего князя М.К. Горчакова.

Наталья Николаевна Рулло-Соколова. Август 1992 г. Кадр из фильма Сергея Мирошниченко

Нравственная поддержка этих лиц дала Соколову возможность продлить дни своей жизни, обреченной на преждевременную смерть в тот день, когда покойный адмирал Колчак повелел ему приступить к производству следствия о цареубийстве»²¹⁴.

То же подтверждала и дочь Н.А. Соколова Наталья Николаевна в своем интервью кинорежиссеру Сергею Мирошниченко в 1992 г.: «Нет, кто папу защищал тогда, это

Орлов, понимаете, потому что все-таки княгиня была племянницей Государя, она Романова была...»

Чисто внешне именно так всё и выглядело.

«Орловы, – писал готовивший к продаже на аукционе Соколовский архив английский исследователь Джон Стюарт, – были удачливее большинства эмигрантов, потому что семья владела собственностью во Франции, где Николай жил после 1920 года как частное лицо. Он был достаточно хорошо обеспечен и с большими связями, чтобы оказать финансовую поддержку прибывшему в это время в Европу следователю Соколову для продолжения его работы. Он приютил его у себя и выступил в качестве издателя французской версии его книги».

Мы уже рассказывали о парижских адресах князя Н.В. Орлова, о замке Бельфонтен в Самуа-Сюр-Сен рядом с лесом Фонтенбло – о местах, которые были также связаны и с пребыванием там семьи Н.А. Соколова.

В 1921 г. Николай Владимирович, пожелавший, отделившись от отца, жить своим домом, купил небольшой замок Buisson-Luzas южнее города Сальбри.

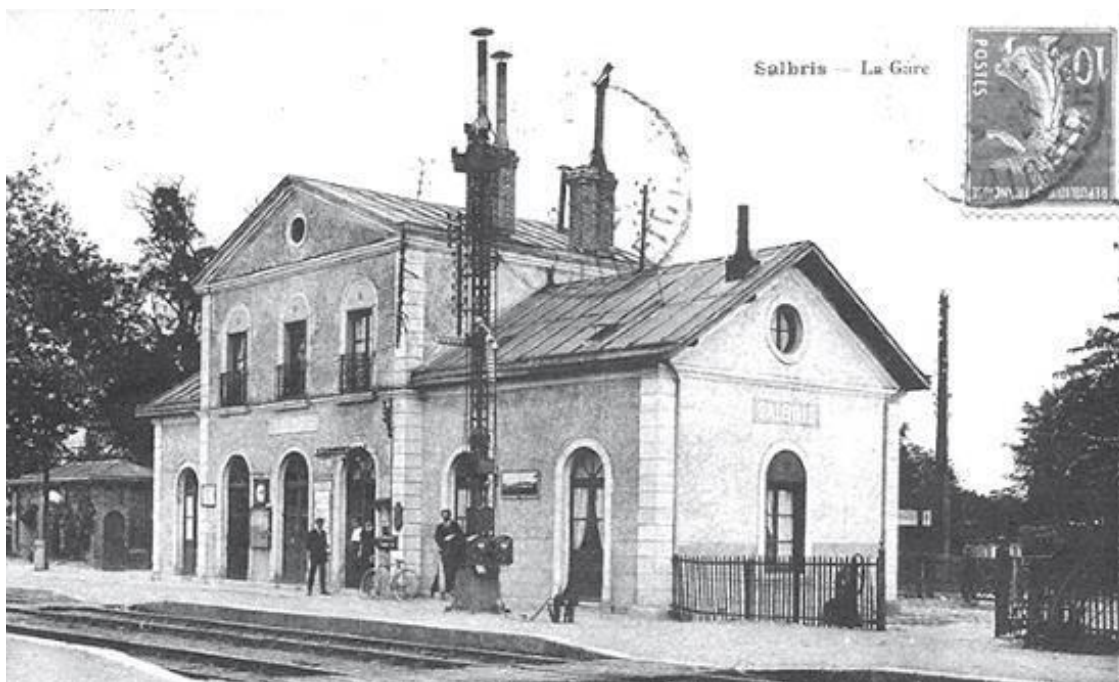
По словам А.Б. Жевахова (с. 150), одновременно он стал хозяином 316 гектаров земли стоимостью в 500 тысяч франков (в нынешних ценах это 540 тысяч евро).

Замок Buisson-Luzas

Строительство самого дома началось еще во второй четверти XIX века. В начале XX-го к первому этажу здания на западе была сделана небольшая пристройка, хорошо видная на некоторых открытках.

Этим домом из красного кирпича князь Н.В. Орлов владел вплоть до 1936 года.

Железнодорожный вокзал Сальбри. Французская открытка начала XX в.

Об этом сообщает в своей книге Эли Дюрель (с. 20), а также Марсель Бодрильон, автор текста к юбилейному изданию «Salbris: au fil du temps, au fil des ans» (Ville de Salbris. 1993.

Р. 140): «Год спустя [в 1921 г.] князь Орлов приобрел себе в собственность Buisson-Luzas, а семья Соколовых маленький домик на окраине».

Сам Сальбри – небольшой старинный городок в департаменте Луар и Шер в 160 километрах к югу от Парижа. Расположен он на реке Сольдр (Sauldre) – притоке реки Шер, впадающей в Луару.

Одной из городских достопримечательностей является католический храм Святого Георгия XVII в., вобравший в себя фрагменты и гораздо более ранних построек (до XII в. включительно).

Современная фотография церкви Святого Георгия и внутренний ее вид на открытке начала XX в.

Храм располагается на севере Сальбри, неподалеку от местного кладбища, а на юге города находилась еще одна старинная постройка – часовня Милосердной Божией Матери (называвшейся еще Семистрельной).

Когда-то, согласно рассказам старожилов, сюда приносили мертворожденных детей в уповании на то, что Пресвятая Дева на непродолжительное время возвратит им жизнь, чтобы можно было их крестить, дав таким образом возможность войти в рай.

Начиная с XIX в., часовня пользовалась особым почитанием плодоносящих женщин и рожениц.

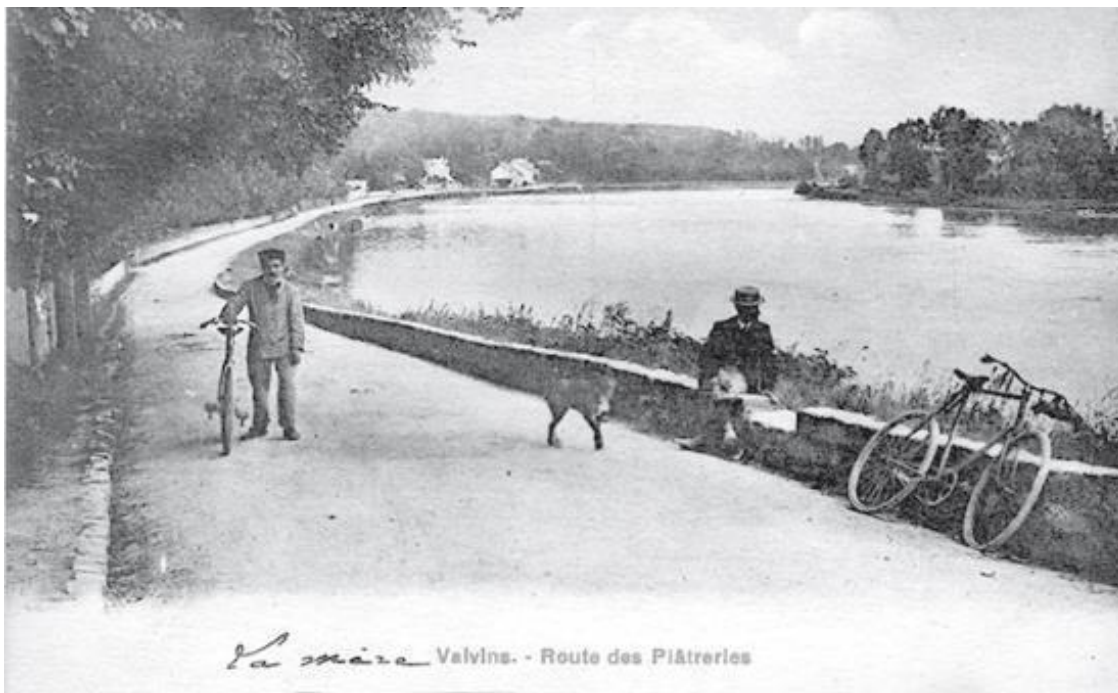
Часовня Notre-Dame-de-Pitié. Современный снимок

Однако столь ранняя датировка переезда в Сальбри Н.А. Соколова (в 1921 г.), которую нам предлагают некоторые авторы, вряд ли верна.

Из уже приводившихся нами документов известно, например, что младший сын Н.А. Соколова родился 14 июня 1923 г. в Фонтенбло. То есть семья следователя в то время еще жила в Самуа-сюр-Сен, рядом с принадлежавшим князю В.Н. Орлову старшему замком Бельфонтен.

Вряд ли вскоре после родов мог состояться переезд всей семьи на новое место, хотя сам следователь возможно и приезжал в замок Buisson-Luzas к князю Н.В. Орлову, поселившемуся там, по некоторым сведениям, с семьей в конце 1922 года.

Осенью следующего года началась подготовка к совместной поездке в Америку (о чем мы расскажем далее), из которой князь со следователем вернулись лишь весной 1924 года.

Набережная Сены в Самуа. Французская открытка начала XX в.

Замок Buisson-Luzas с прилегающим к нему парком

Примечателен документ, который Эли Дюрель приводит в своей книге: о продаже салбрийского дома Н.А. Соколова, согласно которому он был приобретен 4 сентября 1924 г., за три месяца до кончины следователя.

Разумеется, что до этого Николай Алексеевич мог жить с семьей и в другом месте, как в самом городе, так и в замке князя Орлова Buisson-Luzas. Об этом свидетельствует постановле-

ние прокуратуры Ромарантена 1938 г., опубликованное в книге Эли Дюреля (с. 412), воспроизводившееся нами ранее, в котором упоминается «семейная книжка, выданная 15 октября 1923 г. чиновником гражданского состояния города Сальбри».

В конце 1930 г. в Сальбри приехал журналист парижской газеты «Petit Journal» Ксавье де Отеклок. Побеседовав с мэром, он направился в имение князя Н.В. Орлова:

«Посреди равнины Солонья я нахожу дворянский загородный домик, на пороге которого вижу джентльмена-фермера, одетого в охотничий костюм и высокие сапоги; самого князя Орлова. Он встречает меня словами: “Я внимательно следил за вашими расследованиями и ждал вас”».

У нас с ним сейчас же завязался горячий разговор. Его заявления привели меня к полному удивлению и почти к возмущению.

Князь Орлов: Со времени приезда Соколова во Францию я был его ближайшим сотрудником. Мы вместе пересмотрели, руководясь самым тщательным критическим анализом, все данные его следствия, которое – я могу громко заявить – было ведено по всем правилам нашей юриспруденции. Я нахожу, что с юридической точки зрения это следствие вполне правильно, а его результаты вполне убедительны.

Вопрос: Почему же следователь Соколов отстранился... вернее укрылся в Сальбри?

Князь Орлов: Только успев ступить на вашу землю, он увидел себя вовлеченным в центр русских политических интриг, разных тенденций. Было ли тут желание заставить его осветить эту ужасную трагедию с одной ли с другой стороны, или же, что вернее, заставить его молчать об этом убийстве, которое является символом гибели России, об этом мы узнаем позже. Что бы то ни было, но, во всяком случае, страшно прискорбно, что останки Императорской Фамилии, которые без сомнения идентичны, скрыты от чтущих их людей. Я должен затронуть болезненную сторону, говоря о странном, почти враждебном приеме, сделанном следователю Соколову людьми, которым он привез останки их Государя, доказательства и рассказ о своем самопожертвовании и муках.

– *Князь Орлов продолжает медленно голосом, спокойствие которого с трудом заглушает переживаемые им чувства:*

Для того, чтобы вести это следствие, Соколов должен был пройти целую героическую одиссею; чтобы достигнуть Екатеринбурга, занятого белыми войсками, он должен был пройти пешком 1200 километров, переодетым нищим, через волнующиеся области и чудом спасаясь от смерти. Он приходит к Колчаку и ему поручают вести следствие, что он исполняет с замечательной тщательностью и ясностью в продолжении нескольких месяцев.

Опять фортуна меняет свое направление и он спасает свои документы и вещественные доказательства неизмеримой ценности, предает всё это генералу Жанену и со спокойной душой, исполнив свой долг, едет во Францию. Он просит аудиенции у оставшихся в живых Членов Императорской Фамилии; его не принимают. Он спрашивает, что случилось с Реликвиями, которые он выкопал, с оригинальными документами его следствия, всё ли это в сохранном месте.

Он просит, чтобы ему позволили видеть драгоценные посмертные Останки, чтобы своими глазами убедиться, что они невредимы и благоговейно сохраняются. Но и в этом ему было отказано.

До самой своей смерти Соколов не знал, что же стало с вещами, переданными г. Гирсу. Невыразимое горе точило несчастного. Мы делали с ним всё возможное, чтобы узнать, что же случилось с Останками. Но мы наткнулись на стену молчания. И вот тогда-то следователь Соколов написал свою книгу. Он написал ее по моему настоянию, чтобы потомки знали самым точным образом, что выстрадали самые благородные жертвы в этом ужасном “доме специального назначения”.

– *Князь Орлов останавливается, как бы не решаясь высказать много тяжелого:*

Приняты были все меры, чтобы помешать Соколову вписать правду в великую книгу Истории. Он жил на маленькую пенсию. Ему грозили, в случае, если он напишет свои свидетельства, отнять у него эту маленькую ренту, так горько заработанную.

Вопрос: Исполнили ли угрозы?

На это князь Орлов только пожал плечами и вот, что он мне продиктовал в заключение:

“Будучи в продолжении четырех лет сотрудником следователя Соколова, проводившего следствие об убийстве Семьи Царя Николая II, и будучи введен этим следователем во все подробности расследования, я считаю, что во всем, что касается убийства в доме Ипатьевых, следствие вполне закончено и убедительно.

Пруд у замка Buisson-Luzas

Я нахожу, что всё доказывает идентичность посмертных Реликвий, и я от всей души сожалею, что эти Реликвии спрятаны неизвестно где и не преданы погребению, на которое имеют право все человеческие останки”»²¹⁵.

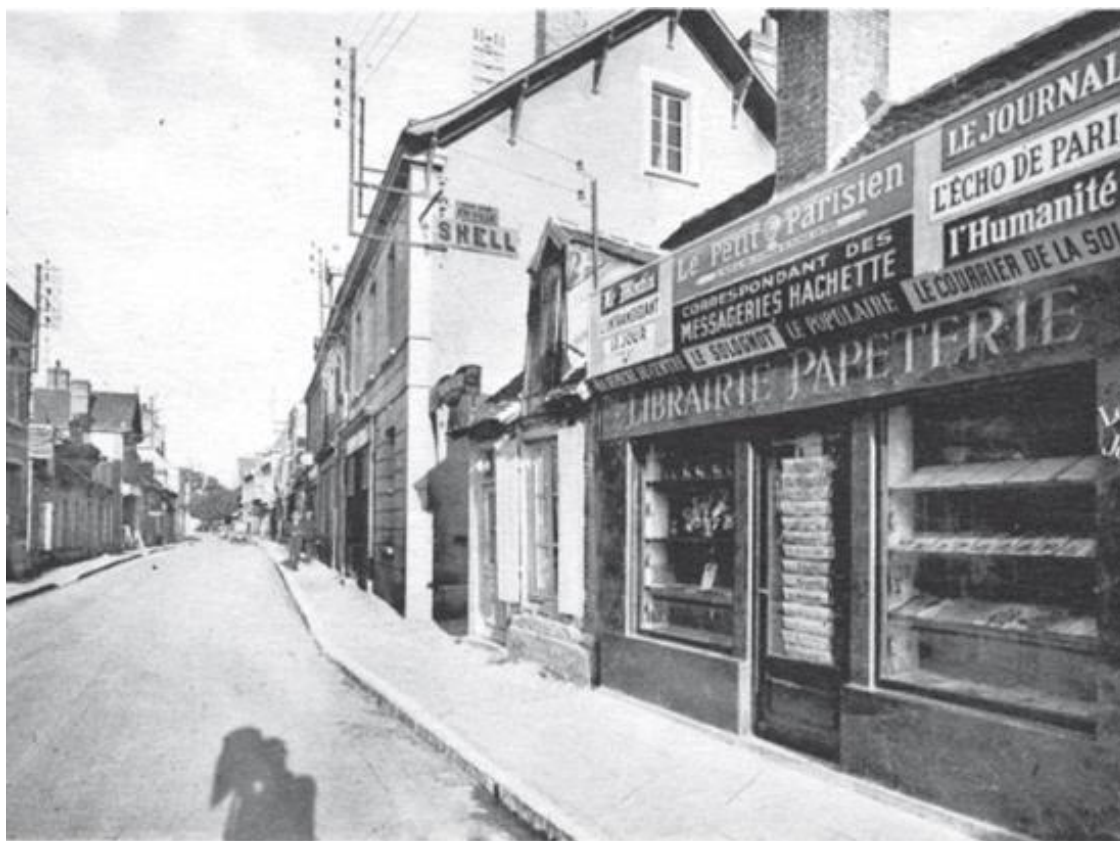
Рассказ этот подтверждался и немногими другими дошедшими до нас свидетельствами.

Анонимный автор уже приводившегося нами газетного некролога Н.А. Соколова прямо писал: «Не легка была его задача. Ему давали маленькое пособие, но требовали бездействия и молчания. Долг перед родиной для него был выше личного благополучия – и он отказался подчиниться этому; его за это лишили пособия»²¹⁶.

То же самое утверждал в своем очерке и хорошо знавший следователя А. Ирин:

«...Прибыл в Париж и Соколов, где ждали его еще более горшие разочарования и более тягостные испытания.

Я часто удивлялся, откуда у этого провинциального следователя, купеческого сына, выходца из глуши пензенских лесов, брался такт и житейская сметка, чтобы благополучно миновать многочисленные политические интриги, расставленные на его пути. Много сил и здоровья пришлось потратить Николаю Алексеичу за право выполнять свой судейский долг, продолжать производство следствия.

Сальбри, улица Республики

Можно ли удивляться, что он так рано умер, сгорев, в подлинном смысле этого слова, в пылу борьбы и работы. [...]

Я был в курсе всего, что творилось вокруг Соколова. Я также знал, что сердце его износилось в борьбе с интригами и в борьбе за право торжества истины»²¹⁷.

Итак, помощь князя Орлова Н.А. Соколову сомнений ни у кого из современников не вызывала, если, конечно, не считать гробовое молчание по этому поводу ближайшего сотрудника следователя и его телохранителя капитана П.П. Булыгина.

Кое в чем князья Орловы с Николаем Алексеевичем были, конечно, единомысленны: в неприятии Царского Друга и Императрицы Александры Феодоровны. В эмиграции они выступали единым фронтом и против признания Лже-Анастасии.

После кончины В.Н. Орлова-старшего к его сыну перешел архив, в котором хранились некоторые документы по этому вопросу, в т. ч. и подробное письмо П. Жильяра, который после первоначального «полупризнания» перешел в стан противников самозванки. (См. очерк С. Литовцева «Правда о Лжеанастасии», печатавшийся в сентябре 1928 г. в рижской газете «Сегодня».)

Из одной из имеющихся в коллекции московского музея «Наша Эпоха» газетных вырезок заметки из французской прессы известно о противодействии «князя и княгини Орловых» совместно с Н.А. Соколовым очередной авантюристке, выдававшей себя за чудесно спасшуюся Великую Княжну Ольгу Николевну (перевод Николая Д.):

«ТРЮК» КНЯЖНЫ ОЛЬГИ

Шербур, 31 января (от нашего спец. корреспондента). – На днях в Буэнос-Айресе было объявлено о прибытии молодой женщины, представлявшей княжну Ольгу, дочь Русского Царя.

Есть все основания полагать, что мы имеем дело с авантюристкой. Так, в заявлении бывшего начальника царской безопасности [sic!] г-на Соколова, который вместе с князем и княгиней Орловыми вышел из Шербурга на судне «Джордж Вашингтон», упоминалось, что ещё в Берлине некая женщина, имевшая известное сходство с пропавшей княжной, пыталась выдать себя за последнюю.

С этой целью она бросилась в пруд, из которого её поспешили достать отважные спасатели.

«Я княгиня Ольга Российская», повторяла она.

Потом она, казалось, упала в обморок. Придя в себя, она воскликнула:

«Вы раскрыли мою тайну. Теперь вы знаете, кто я. Не говорите об этом никому, потому что меня толкнула на этот шаг нищета».

Несчастливая княжна вызывала жалость, и ей была оказана помощь. Однако, проинформированные российские власти разоблачили авантюристку. Похоже, она воспроизвела в Буэнос-Айресе «трюк княжны Ольги», который определённо начинает становиться классикой. – А.М.

Однако сотрудничество это, при внимательном его рассмотрении, не может всё же не вызывать некоторых вопросов.

Княгиня Надежда Петровна Орлова. Середина 1920-х годов

Прежде всего, речь идет о давних связях князей Орловых с Великим Князем Николаем Николаевичем, включая родственные отношения непосредственно Николая Владимировича, женатого, как известно, на племяннице Царского дядюшки.

Нам не раз приходилось (в том числе и в наших книгах) рассматривать позицию Великого Князя как в отношении его Царственного Племянника, так и в связи с расследованием царубийства, одной из ключевых фигур которого был Н.А. Соколов.

Нестыковке этой поражаюсь и английский исследователь Джон Стюарт: «Холодность Великого Князя по отношению к Соколову удивительна, особенно в свете его тесной дружбы с князем Орловым».

Михаил Николаевич Гирс. Иллюстрация из номера газеты «Petit Journal» от 9 января 1931 г.

В дополнение к показанной нами ранее роли, которую сыграл Николай Николаевич в судьбах расследования, приведем любопытный отрывок из интервью, которое 30 декабря 1930 г. в Париже помянутый нами Ксавье де Отеклок взял у М.Н. Гирса²¹⁸.

Согласно оценке французского журналиста, это был один из «самых таинственных» пунктов этого дела.

«*Вопрос:* Приказал Вам Великий Князь перед смертью избегать всех дальнейших исследований документов Соколова и не предавать погребению реликвий, хранителем которых он вас сделал?»

Отвечая, дипломат ни в малейшей степени не отрицал самого факта «приказа», а также своего подчиненного по отношению к отдававшему распоряжение Великому Князю положения.

Сам ответ журналист предваряет важной ремаркой: «Страшное волнение отразилось на лице моего собеседника, и он ответил сдавленным голосом:

Ответ: Великий Князь поступал, вполне сознавая, что он делает. Он был большой патриот и также большой друг Франции. Он был рабом своего долга. С его точки зрения эти бумаги и вещи государственной важности. Они больше не принадлежат и не могут принадлежать только одной какой-нибудь фамилии [т. е. Российской Императорской Семье. – С.Ф.].

Эти все вещи могут быть пересмотрены только в том случае, если прерванное в 1919 г. [иными словами Николай Николаевич и Гирс следствие 1920–1923 гг., позволившее прийти к важнейшим выводам, не признавали. – С.Ф.] может быть снова продолжено в восстановленном русском государстве.

Великий Князь Николай умер, говоря своим приближенным: “Не забывайте России!” И, верьте, мы ее не забываем, чем и объясняется положение, кажущееся вам таким странным».

Этим «*кажущимся таким странным*» было сокрытие Царских Мощей, вещественных доказательств и материалов следствия от Русского народа и всего мира.

В свое время осознание этой роли Великого Князя стало большим ударом для генерала М.К. Дитерихса, что нашло отражение в его письме 1933 г. к А.А. Вонсяцкому:

«Следственное производство с вещественными к нему доказательствами, со следовавшим за ним судебным следователем Соколовым, были представлены мною в марте 1920 года Великому Князю Николаю Николаевичу. По некоторым причинам я не считаю возможным подвергать огласке обстоятельства, почему это следственное производство с приложенными к нему реликвиями останков Членов Царской Семьи не получили, на мой взгляд подобающего к себе отношения».

Отношение Н.А. Соколова к Николаю Николаевичу также было вполне определенным. О нем в 1927 г. сообщил земляк и друг следователя, профессор Алексей Иванович Шиншин: «... Мой покойный друг следователь Николай Алексеевич Соколов, правый монархист по убеждениям, относившийся очень отрицательно к деятельности, поднятой вокруг имени Великого Князя Николая Николаевича...»²¹⁹

Трудно, конечно, предположить, что Николай Алексеевич не знал о настрое князя Н.В. Орлова. Но какой у него был выход, учитывая отношение к нему большинства эмигрантов-монархистов? Да и о масштабах этого сотрудничества за его спиной он вполне мог и не догадываться.

Одновременно, это обстоятельство является одним из важнейших свидетельств неискренности князя Н.В. Орлова по отношению к внешне, казалось бы, протезируемому им Н.А. Соколову.

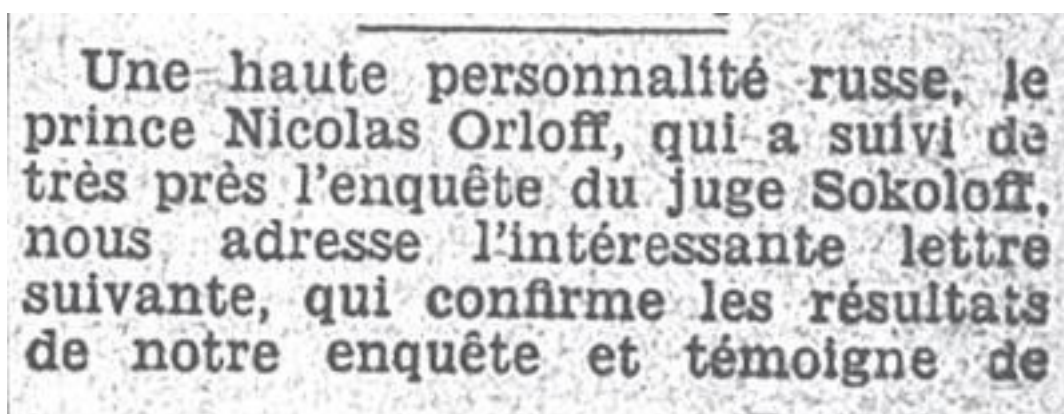
Эта «странность» делает вполне возможной и *другую*, о которой мы поговорим далее...

Письмо князя Николая Орлова

В прошлой главе мы писали о том, что в составе серии статей французского журналиста Ксавье де Отеклока «Что стало с Русским Царем», вышедших 1930–1931 гг. в парижской газете «Petit Journal», 11 января 1931 г. было опубликовано письмо князя Н.В. Орлова «Le prince Nicolas Orloff dans une lettre qu'il nous adresse apporte des precisions sensationnelles sur le mystere des reliques de la famille imperiale».

**LE PRINCE
NICOLAS ORLOFF**
dans une lettre qu'il nous adresse
**apporte des précisions
sensationnelles
sur le mystère des reliques
de la famille impériale**

Une haute personnalité russe, le prince Nicolas Orloff, qui a suivi de très près l'enquête du juge Sokoloff, nous adresse l'intéressante lettre suivante, qui confirme les résultats de notre enquête et témoigne de

Парижская газета «Petit Journal», 11 января 1931 г.

В отличие от других статей цикла, переведенных на русский язык и опубликованных в эмигрантских газетах (парижском «Возрождении» и белградском «Царском Вестнике»), письмо это было почему-то там проигнорировано.

Публикуя перевод этого важного (для лучшего понимания личности князя Николая Владимировича Орлова) документа, выполненного для нас Николая Д., мы вводим этот источник в сферу внимания исследователей Царского дела.

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ОРЛОВ

В полученном нами письме вносит сенсационные уточнения в дело о загадке останков Императорской Семьи.

Высокопоставленная российская персона, князь Николай Орлов, внимательно следивший за расследованием следователя Соколова, прислал нам весьма интересное письмо, которое подтверждает результаты нашего расследования и свидетельствует об огромном интересе, вызванном Екатеринбургской тайной среди тех, кто остался верен памяти Николая II:

Я бы наверняка предпочёл хранить молчание по вопросам, поднятым в ходе расследования «Petit Journal», касательно останков Императорской Семьи, так как я русский, и мне безконечно больно об этом говорить. Однако, мне более не позволительно хранить молчание, оставляя без ответа некоторые утверждения. Промолчать означало бы допустить обоснованность этих утверждений, чего я не могу сделать ни при каких обстоятельствах, во-первых, из-за понимания мною важности самого вопроса об убийстве Царя и Его Семьи, и, во-вторых, из-за личной привязанности, да и чисто русской верности памяти об этом выдающемся человеке, каковым был следователь Соколов, чьим другом и соратником мне довелось быть.

Сначала о самом человеке. Высказывалось предположение, что он был как бы «загипнотизирован собственным расследованием», которому он придавал значение куда как большее, чем то, о котором можно судить по полученным результатам. Ужель «загипнотизирован»? Да, если подразумевать под этим то, что он привязался телом и душой к той задаче, которую он считал своим долгом перед своей страной, и которая состояла в том, чтобы пролить свет на этот вопрос, о важности которого не только для России, но и для всей мировой истории мне будет дозволено высказаться ниже. Но если под этим имеют в виду, что Соколов был своего рода «фантазёр», помешанным, то нет, позвольте мне протестовать против этого самым категорическим образом. Соколов был достойным человеком: мещанин по происхождению, он благодаря своим исключительным профессиональным качествам – а не в силу какой-либо протекции – приобрёл репутацию блестящего следователя ещё задолго до революции.

Живя с детства среди русских крестьян и будучи наделен острым аналитическим умом, он прекрасно понимал простых мужиков, при том что такого понимания не хватает многим русским. Когда вспыхнула большевицкая революция, он был вынужден бежать и прятаться в лесах при содействии симпатизирующих ему крестьян, а вскоре без колебаний отправился в путь длиною более тысячи километров, которые он преодолел преимущественно пешком, выдавая себя за нищего странника, чтобы добраться до Сибири, где разворачивалось движение Колчака, и где, как он чувствовал, он мог понадобиться. В предисловии к своей книге «Судебное расследование убийства Русской Императорской Семьи» (Изд-во Payot et Co.), Соколов с присущей ему скромностью рассказал, как он был выбран адмиралом Колчаком для расследования гибели Царя и Его Семьи. В действительности Соколов был представлен Колчаку, как человек исключительной ценности, и сам Адмирал, будучи человеком действия, сразу понял, что перед ним стоит именно тот, кто ему нужен, а именно талантливый следователь, человек неукротимой энергии, исключительно честный и верный.

Когда я встретил Соколова в Париже, он только что передал 2-ну Гирсу, на условиях, упомянутых в расследовании «Petit Journal», досье, вещественные доказательства и, наконец, останки Жертв, собранные его трудом и спасённые из сибирского разгрома благодаря рыцарственному и прекрасному в своей простоте жесту генерала Жанена. Передо мной был человек, глубоко удрученный, страдающий физически и морально из-за отношения к себе, с которым он столкнулся, и из-за того, что было уготовано результатам проделанной им работы.

А ведь он имел право надеяться на нечто лучшее, нежели то, с чем он столкнулся в российских кругах, когда он представил им материалы своего расследования и останки Царской Семьи. Наконец, никто не мог легкомысленно отнестись к тому, что сделал Соколов. Само по себе вопиющее убийство, совершённое по приказу центрального правительства, не просто Того, кто был Главой, воплощением национальной России, Того, кто сражался на стороне союзников, но и всей Его Семьи, Его невинных Детей и верных слуг, стало фактом перво-степенной важности. Отметим, что Советы никогда не отрицали казни Царя: более того, они говорили об этом в открытую. То, что они хотели обойти молчанием, это было убийство юных Князюх и Наследника – убийство Детей, которое они стремились скрыть от глаз ужаснувшегося мира.

Соколов часто повторял, что история зверского убийства Императорской Семьи отразила в себе всю историю, всю изнанку русской революции. И действительно, все интриги запечатлелись в ней и оставили там свои следы – следы, должным образом запротокколированные и удостоверенные – не будем забывать – в ходе судебного расследования. От ужасных интриг вокруг злоедейской фигуры Распутина, которую использовали для натравливания масс на трон, до миссии, возложенной немцами на загадочную личность Яковлева, и вплоть до жестокого приказа из Москвы зарезать всех – все те важные факты, которые привели Россию к гибели, находят своё отражение в екатеринбургском деле...

Слышны инсинуации на тему, что, якобы расследование Соколова вовсе не имеет того значения, которое он ему придавал. Однако, давайте прочтём его книгу и попробуем уже после этого, только не кривя душой, заявить, что это дело рук «загнилотиженного».

Соколов не был человеком, стремившимся получить личную выгоду от своей работы. Он был человеком, чья скромность поражала всех, кто сблизился с ним. Он считал, что на него была возложена миссия, которую он должен выполнить, и он честно выполнил её в меру своих сил. Передавая результаты своего расследования, он имел право ожидать, что те, кому он их передал, придадут им всё то значение, которое имели эти результаты, и что будут приняты все меры, чтобы представить взорам не только россиян, но и всего мира, всю правду в ужасном сиянии её чудовищной наготы. Говорят, что расследование не было завершено: под этим понимают, что если бы позволили обстоятельства, вполне вероятно, что Соколов располагал бы ещё большим количеством доказательств и показаний. Но уже того, что он собрал, было достаточно, чтобы доказать, что именно произошло в подвале Ипатьевского дома и рядом с шахтами в непосредственной близости от урочища Четырёх Братьев, совершенно достаточно при условии отсутствия предвзятости и желания любой ценой скрыть безпощадное сияние правды.

Соколов не мог не передать собранные материалы 2-ну Гирсу, поскольку действовал он по совершенно определенным распоряжениям, которые и генерал Жанен считал за честь исполнить. Но вынужден он было это сделать с тяжёлым сердцем и будучи полон горечи, так как полностью осознавал судьбу, которая их ожидала.

Можно было подумать, что круги, с которыми он имел дело, сделают всё, чтобы рассказать правду о судьбе Царя и Его Семьи: образ Николая II, ставящего на карту Свою честь, во имя чести Своей страны, и не только Свою жизнь, но и жизни Супруги и Детей; печальные останки, жалкие безформенные обломки, в которых, вероятно, смешались останки Царя и

Его Семьи с останками Их смиренных слуг, не являются ли они символом, весьма благочестивым и святым предметом, вокруг которого могли бы объединиться русские люди?

Однако, никто не хотел рассматривать это дело под таким углом, никто не захотел объединиться и хотя бы признать сам факт гибели Царя, не подлежащий при этом никакому сомнению: ибо это помешало бы многим интригам, многим точкам зрения, многим личным амбициям, о которых я бы не хотел распространяться...

Очевидно, если посмотреть на вопрос с точки зрения одного генерала, однажды спросившего Соколова: «А Ваши анализы крови окончательно доказали, что это кровь Императора?», то можно было бы сделать вывод о том, что расследование Соколова было неудовлетворительным. Однако, если подойти к нему с точки зрения логики и непредвзято, то мы должны отдать должное тому, с таким мастерством было проведено это расследование.

Говорили, что необходимо дождаться появления «законного органа, который изучит дело и материалы Соколова и выскажет своё мнение». Да, но где взять такой «законный орган»? Разве громогласное провозглашение истины не было законным правом тех, кто получил эти материалы? Разве в том, чтобы всеми способами скрывать правду о том, каков был конец Царя, не заключается большой грех?

У кого-то не хватило смелости подойти к этому вопросу прямо. Кто-то укрывался за формулами «юридической некомпетентности». Кто-то говорил Соколову: «Все, что мы хотим от Вас – это чтобы Вы вели себя тихо и помалкивали».

Но именно этого Соколов не мог принять. Моё сотрудничество с ним было полезным в следующем: так как круги, от которых можно было бы ожидать поддержки, её не только не предоставляли, не только не отдавали должное работе Соколова и не признавали её результаты блестящими и заслуживающими похвалы, но, напротив, стремились помешать ей и скрыть её за завесой молчания и забвения, я смог убедить Соколова в необходимости, вопреки всему и всем, обнародовать результаты его расследования. Но чего только не было сказано Соколову, когда новость о публикации его книги произвела в этих кругах эффект разорвавшейся бомбы! Один высокопоставленный российский деятель, оставивший для этого свой обычную дипломатическую сдержанность, так и заявил Соколову, «что он будет привлечён к ответственности будущим национальным российским правительством за злоупотребление доверием и нарушение профессиональной тайны...»

Сам Соколов предпочёл бы, чтобы истина была провозглашена кем-то другим, а не им. Он хорошо говорит об этом в предисловии к своей книге. Побуждая его написать эту книгу, оказывая ему всю моральную поддержку, я считаю, что тем самым помог ему выполнить свой долг перед нашей несчастной страной и тем самым выполнить и свой собственный долг. Я делал это намеренно и сознательно. Возможно, настанет день, когда Национальная Россия обратится к этому вопросу во всей полноте. Я не знаю, застану ли этот день, чтобы с высоко поднятой головой выступить в защиту памяти Соколова, но даже если мне этого не доведётся, я думаю, что вердикт мне известен заранее.

Князь ОРЛОВ.

Поездка в Америку

Уже авторы первых публикаций о Н.А. Соколове понимали, в чем состояла одна из главных трудностей, с которым столкнулся следователь при расследовании царубийства.

На его долю, читаем в одном из первых газетных некрологов, «досталась невыносимо тяжелая задача расследования гнусного и надругательства и злодеяния, совершенного в Екатеринбурге над Царской Семьей по воле Свердлова, Шаи Голощекина, Юровского, Войкова и их кагала». Более пространно о том же «пятом пункте» следствия писал в декабре 1924 г. знакомый Николая Алексеевича А. Ирин²²⁰.

Его автор, сам хорошо знавший следователя, писал о том, что еще до приезда Соколова в Европу «евреи, через посредство продажных людишек, пытались прокричать на весь мир, что к екатеринбургскому преступлению евреи никакого касательства не имеют».

Сначала они пытались, «если не подорвать вовсе доверие к работе Соколова, то, по возможности, ослабить впечатление, могущее быть от оглашения некоторых обстоятельств царубийства».

Генри Форд

Затем их коноводы (Д.С. Пасманик и Г.Б. Слиозберг) заявили к следователю лично и в разговоре «долго нащупывали возможность превратить Шаю Голошкеина, Янке ля Юровского, Сафарова и подобных им псевдонимов в русских людей. [...] Эти господа утверждали, что главным виновником цареубийства был Ленин». А когда Николай Алексеевич отказался, они развили вокруг него «бешеную интригу».

Именно этот аспект расследования вызвал большой интерес у американского автомобильного магната Генри Форда (1863–1947), вступившего как раз в то время в конфликт с рядом влиятельных еврейских организаций в США и их лидерами.

В чем состоял этот интерес, можно понять из небольшой заметки «Еврейские документы», напечатанной в белградской газете «Новое Время» 18 апреля 1924 г., то есть сразу же по возвращении Н.А. Соколова из поездки в США:

«В Америке еврейство страшно недовольно известным миллиардером Фордом, который бросил в лицо всему еврейству обвинение в убийстве Царской Семьи. Еврейство заволновалось и затеяло против Форда процесс, обвиняя его в клевете. Одновременно с этим, очевидно, сделан нажим: евреи всех стран объединяйтесь против Форда! И объединение началось купно с покупкой продажных христианских перьев».

В Европе одним из первых, сообщает далее автор статьи, «подал голос [...] еврейский публицист Познер», происходивший из разветвленной семьи выходцев из России, одинаково тесно связанных с американскими деловыми кругами, коммунистическим движением, советскими спецслужбами и британской разведкой. Наиболее известным представителем этой семьи сегодня является, российский тележурналист Владимир Владимирович Познер.

Несомненно, что один из важных выводов следствия, заключающийся, по словам А. Ирина, в том, что «главными убийцами Царя были евреи», как нельзя лучше соответствовал интересам Форда.

Таким образом, всё дело отнюдь не сводилось к скончавшемуся еще в 1920 г. пресловутому банкиру Джейкобу Шиффу, о чем иногда пишут, впрочем, как и к любому другому конкретному лицу.

В связи с этим последним обстоятельством, один из занимающихся исследованием схожих проблем посетителей моего ЖЖ (Az Nevtelen), пусть и играя явно «на понижение», дал Шиффу забавную, но не лишённую всё же определенного интереса характеристику: «он был типом наподобие покойного Березовского: жадный, невероятный болтун и фантазер». (При том, что, заметим, и подлинное лицо БАБа также весьма невнятно. Да и представить его эдаким наивным простачком трудновато.)

Возвращаясь же к Форду и Соколову, резюмируем: ценность для промышленника следователя заключалась не только в выводах, к которым он пришел, но также в его статусе, получившего официальное назначение лица, добытых им материалах и возможности, используя все эти преимущества, дачи им на предполагавшемся процессе непосредственных свидетельских показаний.

Борис Львович Бразоль

Одним из тех, кто, скорее всего, обратил внимание Генри Форда на Н.А. Соколова, был тесно сотрудничавший с американским промышленником русский эмигрант Борис Львович Бразоль (1885–1963). В это время он работал в издававшейся Фордом газете «The Dearborn Independent», а также был одним из инициаторов публикации там «Протоколов сионских мудрецов».

Вот как описывает это предложение очевидец – автор статьи «На могиле Н.А. Соколова», укрывшийся за псевдонимом А. Ирин, исходя из дальнейшего повествования, тесно связанный с Б.Л. Бразолем.

«Историю поездки Соколова к Форду, – пишет он, – можно изложить в двух словах.

В прошлом году, приблизительно в это время [статья А. Ирина написана была после кончины следователя, последовавшей 23 ноября 1924 г., вышла же она в середине декабря. – С.Ф.], я получил предложение поставить в известность Соколова, что его работой интересуется известный автомобильный король Форд, в виду предстоящего процесса Форда с евреями.

Дело, как известно, заключалось в том, что евреи были оскорблены утверждениями Форда, что главными убийцами Царя были евреи. Форд поэтому был очень заинтересован в сущности соколовской работы и изъявил желание лично расспросить его о результатах следствия. На мой взгляд, судьба давала прекрасный случай раскрыть глаза всему миру.

Не помню, кому именно, быть может и мне, пришла мысль, что было бы хорошо, если бы Соколов на предстоящем процессе имел возможность выступить свидетелем, что дало бы возможность полностью осветить роль евреев в деле цареубийства.

Мне и одному из общих наших друзей стоило много усилий, чтобы убедить Соколова ехать в Америку, так как он все время боялся обвинительного вердикта истории. Я же исходил из сознания целесообразности в обстановке текущей минуты. Суд над убийцами должен быть, и чем скорее, тем лучше. Не все ли равно для тожества истины, если первоначальным судом будет суд Соединенных Штатов? Бог даст, мы доживем и до вердикта суда родного...

Наконец, все формальности были улажены и Соколов выехал в Америку. Меня в это время во Франции не было и я не знаю всех последующих обстоятельств этого события. Я также вовсе не в курсе того, что произошло в Америке».

В вышедшей в 1976 г. книге «The File of Tsar» английские журналисты Энтони Саммерс и Том Мангольд пишут: «Октябрь этого [1923] года ознаменовал начало новой причудливой страницы в жизни Соколова. В документах военно-морской разведки мы обнаружили неприятный рассказ о том, как Соколов встречался с Генри Фордом, американским автомобильным магнатом.

Герман Бернштейн (1876–1935). Фото 1929 г.

В Соединенных Штатах Генри Форд участвовал в судебном процессе по обвинению в антисемитизме, начатом группой сионистов, в которую, случайно был вовлечен Герман Бернштейн (1876–1935), журналист, посылавший сообщения из Екатеринбурга в 1918 году».

Об этом целенаправленно, а вовсе не «случайно» работавшем на Шиффа журналисте, секретаре Американского еврейского комитета, сотруднике Коминтерна и ОГПУ, нам приходилось уже не раз писать, в том числе и в связи с участием его в дезинформации по царубийству.

Но продолжим нашу выписку из книги английских журналистов: «Форд связался с председателем Русского Национального общества Борисом Бразолем, и решил, что Соколов и его исследования могли бы быть ему полезны.

Согласно документам американской разведки, только что рассекреченным в 1972 году, расследование Соколова "...показывает в результате, что убийство Императорского Семейства было спровоцировано евреями и, фактически, было проведено группой палачей, среди которых только трое не были евреями... оказывается, что Бразоль знал о существовании этих материалов и с учетом отношения Генри Форда к евреям и его неограниченных средств, решил рассказать об этом Форду, считая, что последний может это использовать для противоеврейской пропаганды, в то же время монархисты получают большую популярность во всем мире, включая Россию».

Эта уловка помогла и Форд направил одного из своих исполнителей со специальным заданием в Европу, чтобы привлечь к работе Соколова и проверить его документы. В парижской квартире состоялась встреча, в которой участвовали покровитель Соколова князь Орлов, американский полковник Лайдиг и бывший корреспондент "Times", которого звали Фуллертон.

Полковник Филип Лайдиг / Philip Mesier Lydig. Фото с паспорта. 1915 г.

Лайдиг сказал, ссылаясь на человека Форда, что у них аналогичное отношение к евреям, и что Форд может позаботиться о том, чтобы работа Соколова была опубликована в Америке. Вечеринка закончилась приглашением Соколова в Фонтенбло и он согласился на участие».

Прежде чем продолжить, следует рассказать, хотя бы вкратце, об американских участниках той встречи.

Полковник Филип Лайдиг (1867–1929), происходивший из уважаемой нью-йоркской семьи, родился в Бронксе. Окончив в 1889 г. Гарвардский университет, прошел курс в области финансов в Берлинском университете, после чего работал некоторое время биржевым брокером.

Начало первой мировой войны застало Лайдига в Карлсбаде. Его учеба в Германии, с одной стороны, и участие в Испано-Американской войне 1898 г., с другой, оказались востребованы в странах Антанты (США в то время в войне еще не участвовали). Известно, что Лайдиг занимался закупкой материалов и лошадей для нужд сначала Французской, а потом и Русской армий. В частности, он снабжал ремонтным конским составом казачьи части.

В 1915 г. Лайдиг присоединился к Русской армии, где возглавлял американскую службу медицинской помощи. Оказавшись свидетелем революционных событий в России, он написал ряд статей, в которых рассуждал о причинах и предполагаемых последствиях переворота.

Место захоронения полковника Филипа Лайдига на бруклинском кладбище

После окончания войны полковник Лайдиг жил по большей части в Европе. Он и скончался 16 февраля 1929 г. во Франции, в Ницце, куда за неделю до этого он прибыл из Парижа.

Тело Лайдига перевезли в США и погребли в семейном склепе на кладбище Green-Wood в Бруклине (штат Нью-Йорк).

Другим участником той вечеринки в Фонтенбло был американский журналист Уильям Мортон Фуллертон (1865–1952) – личность гораздо более интересная.

Окончив Академию Филлипса в Андовере (штат Массачусетс), он учился в Гарварде, получив там в 1886 г. степень бакалавра искусств.

Уильям Мортон Фуллертон

После непродолжительной поездки в Европу и работы журналистом в Бостоне, в 1890 г. он покинул Америку, поступив в Париже в газету «The Times». Там Фуллертон оставался вплоть до 1910 г., когда решил попробовать себя в независимой журналистике.

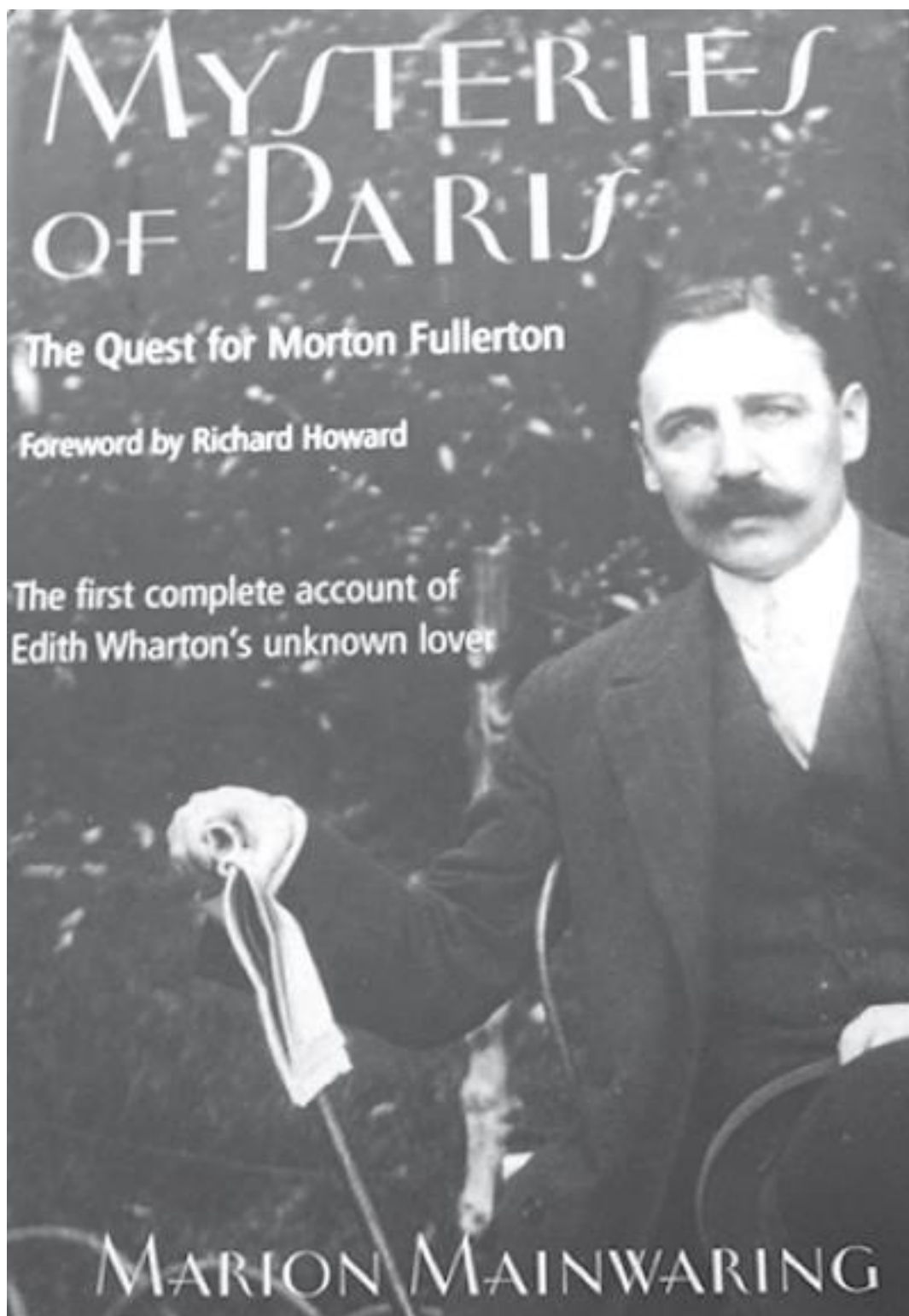
Фуллертон написал несколько книг, а когда разразилась первая мировая война, поступил на службу офицером. После войны он стал печататься в известной французской газете «Le Figaro», в которой сотрудничал вплоть до своей смерти, последовавшей в Париже 26 августа 1952 г.

Личность Уильяма Фуллертона недавно стала предметом интереса со стороны американской писательницы и исследовательницы Мэрион Джесси Мэйнвэринг (1922–2015). Ее книга

«Тайны Парижа. Поиски Мортон Фуллертона»²²¹ за весьма короткое время (в 2000–2001 гг.) выдержала семь изданий.

Это тщательно документированная биография, с привлечением архивов и свидетельств очевидцев, с которыми Фуллертон был связан, и всё еще продолжавших жить в Париже, Лондоне, Испании, Португалии, США...

Это был «талантливый, умный, изощренный и амбициозный» человек, пишет биограф Фуллертона, но также и «эгоистичный и безпринципный, подлец и мошенник, однако его подавляющее окружающих личное обаяние привлекало к нему друзей и любовников обоих полов».

Издательская обложка книги: Marion Mainwaring «Mysteries of Paris: The Quest for Morton Fullerton». University Press of New England. 2001 г.

Книга, читаем в аннотации, «раскрывает подробности его карьеры, как писателя и шпиона, его любовные похождения с [американской писательницей Эдит] Уортон и другими женщинами, его тесную дружбу с [писателем Генри] Джеймсом, а также его отношения с Оскаром Уайльдом, Джорджем Сантаяной, Полем Верленом, Теодором Рузвельтом и многими другими».

По словам автора книги, у Фуллертон «была контактная сеть, очень впечатляющая, включая Королевских Особ, президентов, политиков, писателей и других известных людей того времени, и всё еще... призрачная, скрывающая что-то...»

Николай Алексеевич Соколов

Таков был этот человек, с которым Н.А. Соколов и князь Н.В. Орлов и после своей поездки в Соединенный Штаты, вернувшись во Францию, продолжали сохранять весьма тесные отношения, чему сохранились материальные свидетельства, которые мы предполагаем опубликовать далее.

Не забудем также и о том, что первые контакты князя Н.В. Орлова (а через него и Н.А. Соколова) в эмиграции с американцами документально фиксируются уже в июле 1922 г., когда проживавший в Париже гражданин США Вильям Астор Чанлер предоставил в распоряжение следователя материалы и предметы, принадлежавшие Г.Е. Распутину, приобретенные им через своего соотечественника, майора Красного Креста мистера Бекмана, купившего их в Вене у сильно нуждавшейся дочери Царского Друга – Матрены Григорьевны Соловьевой.

Чем же закончилась та встреча в Фонтенбло осенью 1923 года?

«Форд, – читаем в книге Саммерса и Мангольда, – пригласил следователя в Америку, все затраты оплачивались, и Соколов вместе с его покровителем направились в Соединенные Штаты.

По прибытии в Бостон, как Соколов, так и Орлов дали интервью прессе. Князь заявил, что он “приехал в Соединенные Штаты с целью установить возможные связи с автомобильным концерном”».

Рассказывая далее о поездке к американскому автомагнату, нельзя сбрасывать со счетов страстное увлечение автомобилями отца Н.В. Орлова – старого князя, приглядывавшего за Царским гаражом и часто лично возившего на «моторах» Государя. Эти знания предмета и интерес – в ходе общения с Фордом – могли в какой-то мере помочь налаживанию контактов.

Кстати, что касается поездки, то не так уж и трудно было бы выяснить сами даты въезда и выезда из США Н.А. Соколова и князя Н.В. Орлова, как известно, тщательно фиксировавшиеся и доступные исследователям, а уже исходя из них, можно было бы просмотреть американские газеты, в которых можно было бы разыскать информацию об этом визите и, наконец, найти те самые интервью, сопровождавшиеся, скорее всего, фотографиями.

...Но вот и описание самой встречи в книге Саммерса и Мангольда – с неожиданным выходом на сцену Великого Князя Николая Николаевича, совершенно очевидно пытавшегося осуществлять контроль за следователем через благодетеля последнего князя Н.В. Орлова, о чем мы писали в предыдущих наших главах.

Итак, публикуем соответствующий отрывок из книги «The File of Tsar», исправляя ляпы русского перевода (включая искаженные имена) и опуская отсебятину не очень-то сильных в событиях Русской истории английских журналистов:

«Сама встреча состоялась позже в штаб-квартире Форда в Дирборне, в Мичигане, на русской вечеринке, которую посетил сам Генри Форд.

По сообщению разведки США, переговоры были внезапно прерваны в самый решающий момент:

“В то самое время в Дирборне, когда Генри Форд расспрашивал следователя Соколова и Орлова, он неожиданно получил письмо, адресованное ему Великим Князем Николаем [Николаевичем], из которого следовало, что передавший письмо имел крайне важную информацию.

Генри Форд вышел в переднюю, и увидел там человека, назвавшегося Бородиганом / Bogodigan [в русском переводе: Бородиным – С.Ф.], присланного Великим Князем, чтобы сообщить Генри Форду, что он слышал о секретных документах, полученных Фордом, и захотел сообщить ему, что они были *полностью недостоверны*. Форд поблагодарил его за информацию, но неизвестно, получил ли он какие-либо документы и было ли продолжено совещание с Соколовым и Орловым”.

Этот странный инцидент позднее всё же был объяснен Борисом Бразодем в Американском докладе нежеланием Великого Князя Николая [Николаевича] обижать французских евреев Парижского банковского сообщества, от которого он получал денежные средства. [...] Великий Князь незадолго до этого отказался верить доказательствам Соколова и его материалам. Кроме того, французское Deuxième Bureau [военная разведка Франции. – С.Ф.] докладывало о том, что еще в двадцатые годы Великий Князь утверждал, что его кузен, Царь Николай жив.

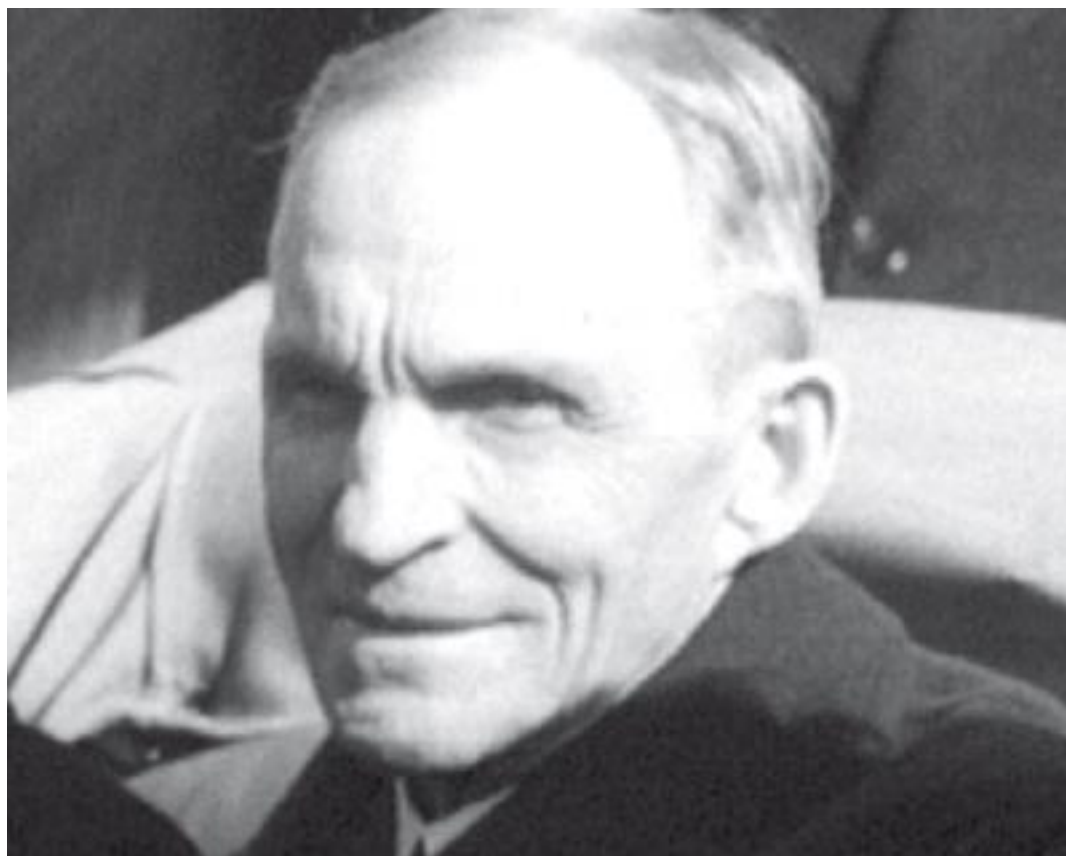
Однако в штаб-квартире Форда в 1923 году предупреждение Великого Князя проигнорировали.

Представитель Форда отметил: “Документы Соколова очень похожи на истину, но, конечно, невозможно, установить этот факт без всестороннего исследования их содержания...” [...]

Форд заключил договор с Соколовым, согласно которому следователь должен был составить записку, в которой “устанавливался факт, что убийство было спланировано и выполнено

евреями». В тот же день Соколов передал копию своего дела в архив Форда, в котором оно находится и по сей день».

О материалах Соколова в архиве Форда мы поговорим далее специально, а пока приведем еще одно интересное свидетельство, на сей раз из книги Александра Жевахова «Les Russes blancs» (с. 150): «В качестве подарка семье Соколовых Форд объявил о спонсировании им американского фильма о русской революции, консультантом которого бы выступал следователь».

Генри Форд

Дочь Соколова Наталья Николаевна в интервью 1992 года Сергею Мирошниченко сообщила некоторые дополнительные подробности:

«Руллон-Соколова: В 1922 [несомненно, оговорка. – С.Ф.] году Форд его [Н.А. Соколова] пригласил и он предлагал папе и нам жить в Америке, но папа не захотел. Но я знаю, что это его [Форда] очень-очень интересовало – убийство Царской Семьи. И там был у папы сердечный припадок и год потом... [...]

Мирошниченко: Он деньгами Вам помог?

Руллон-Соколова: Кто?

Мирошниченко: Форд.

Руллон-Соколова: Нет.

Мирошниченко: Вы рассказывали, что он...

Руллон-Соколова: Да, он трактором [помог]. Да, огромный трактор... Нет... То есть, если бы в Америке жили, он там [бы] помог, он хотел, чтобы мы [там] жили, но так как папа не хотел, нет...»

По каким-то причинам, слова Натальи Николаевны были неверно истолкованы историком Николаем Россом, утверждавшим в своей книге «La mort du dernier Tsar», что никакой-де поездки в Америку Н.А. Соколов, по словам его дочери, вообще не совершал.

Наталья Николаевна Руллон-Соколова у своего дома. 1992 г. Кадр из документального фильма Сергея Мирошниченко

Именно во время пребывания Николая Алексеевича Соколова в Соединенных Штатах было действительно зафиксировано резкое ухудшение его самочувствия.

В книге Саммерса и Мангольда приведено описание случившегося одним из сотрудников Форда:

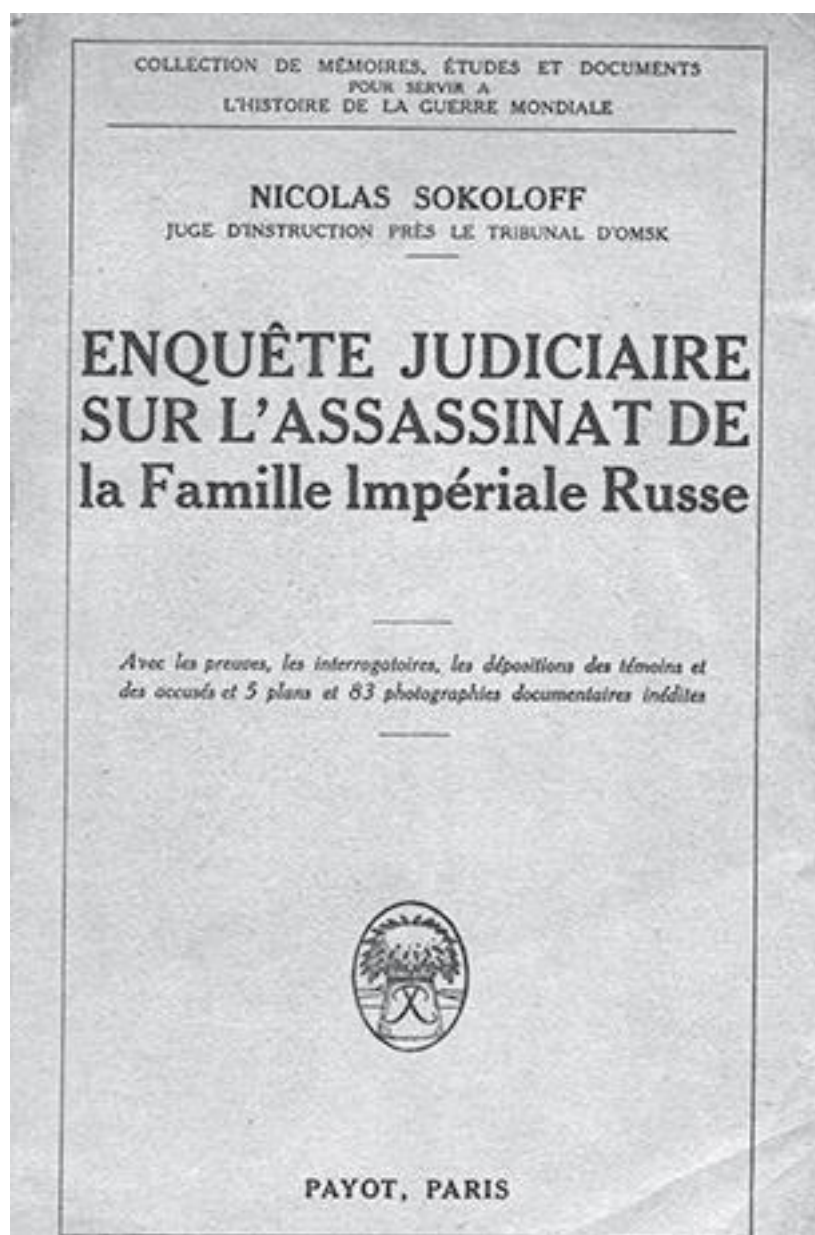
«Когда Соколов находился здесь, он выглядел очень нервным и весьма измученным человеком. Я поместил его в больницу Форда, чтобы его осмотрели и определили, что с ним. Они позвали меня и спросили, что за человека им положили. Я сказал: “Не беспокойтесь, это очень важный человек, но он здесь только временно”. Они сказали: “Советуем Вам уговорить его остаться здесь пока это возможно, поскольку у этого человека очень плохое сердце. Он может умереть в любое время”. Я не хотел, чтобы он умер у нас, так что я поторопился к Соколову. Мы поспешили отправить Соколова обратно».

Сохранилась, пишет Александр Жевахов (с. 499), открытка от 17 февраля 1924 г. из Детройта, от князя Н.В. Орлова, сообщавшая супруге следователя о состоянии ее мужа после сердечного приступа: «Николай Алексеевич чувствует себя хорошо». Имеется в виду имевший место сердечный приступ.

«Нельзя себе представить работы более серьезной»

Первое и единственное прижизненное издание книги Н.А. Соколова вышло не позднее марта 1924 г. С достаточной точностью это позволяют установить отзывы на ее появление в белградской газете «Новое Время», принадлежавшие бывшему русскому посланнику в Португалии Петру Сергеевичу Боткину, брату убитого вместе с Царской Семьей Лейб-медика.

Дата первой заметки (10 апреля) указывает нам на время появления книги в продаже: автор отзыва должен был приобрести ее, прочитать или хотя бы просмотреть. (Так и было. «Я только что, – писал П.С. Боткин, – прочел эту книгу – прочел, как говорится, в один присест. Читал, не отрываясь, и нахожусь еще в чаду, как после ужасного кошмара».) Потом следовало написать отзыв и послать по почте (заметка была помечена: «Террите» – город в коммуне Монтрё на берегу Швейцарского озера), а газете, находившейся в Белграде, – напечатать.

Титульный лист первого французского издания книги Н.А. Соколова

Выходу книги не позднее чем в марте 1924 г. есть и другие подтверждения, о чем далее.

Напечатали книгу в парижском издательстве «Payot» в известной серии «Collection d'etudes, de documents et de temoignages pour servir a l'histoire de notre temps», в которой впоследствии будут изданы почти все основные работы о царубийстве.

Полное название книги: Nicolas Sokoloff, juge d'instruction pres le tribunal d'Omsk «Enquete judiciaire sur l'assassinat de la famille imperiale russe, avec les preuves, les interrogatoires et les depositions des temoins et des accuses» (Николай Соколов, следователь Омского суда «Судебное следствие по делу об убийстве Русской Императорской Семьи, с доказательствами, допросами и показаниями свидетелей и обвиняемых»).

Начало и статьи Роланда Маре в газете «Le Temps» (24.3.1924. С. 2)

«Le Temps» (3 и 12 апреля 1924. С. 5)

Появление книги не прошло мимо внимания французской прессы.

24 марта 1924 г. в парижской «Le Temps» появилась статья известного французского журналиста и поэта Роланда Маре (1874–1955), рассказывавшая о царевубийстве на основе разысканий, проведенных Н.А. Соколовым.

Та же газета дважды (3 и 12 апреля 1924 г.) размещала на своих страницах рекламу книги Н.А. Соколова.

В другой популярной парижской газете «Le Figaro» (2.8.1924. С. 4) труд Н.А. Соколова фигурировал в списке новых, заслуживающих внимания французского читателя книг.

LE FIGARO

NICOLAS SOKOLOFF: *Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille impériale russe, avec les preuves, les interrogatoires et les dépositions des témoins et des accusés, 5 plans et 83 photographies documentaires inédites: 1 volume in-8: 18 francs.*

«Le Figaro» (2.8.1924. С. 4)

**Tous droits de traduction, de reproduction et d'adaptation réservés
pour tous pays.
Copyright by Payot, Paris, 1924.**

Копирайт издательства «Payot» на обороте титульного листа

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ этой монографіи авторъ старался выполнить задачу историка — освѣтить страшное, невѣроятно запутанное дѣло жестокаго убійства Императора Николая II и его семьи.

Сложность задачи заключается не въ установленіи факта убійства — съ этой задачей блестяще справился судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Н. А. Соколовъ, несмотря на всѣ хитрости и уловки убійцъ, — а въ строгомъ опредѣленіи степени виновности въ этомъ убійствѣ двухъ элементовъ: еврейскаго и нѣмецкаго, взаимно переплетающихся и являющихся столь роковыми не только въ дѣлѣ гибели Романовыхъ, но и въ разореніи самой Россіи.

Парижъ. Сентября 11/24 дня 1920 года. Робертъ Вильтонъ.

Фрагмент предисловия Роберта Вильтона к русскому изданию своей книги с высокой профессиональной оценкой следователя Н.А. Соколова

По времени выход книги совпал с возвращением Н.А. Соколова из его поездки к Форду в Америку, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что автор должен был сдать книгу в издательство никак не позже, чем осенью 1923 г., т. к. написана она была на русском языке и нуждалась в переводе. Ни имя переводчика, ни даже сам факт его наличия в издании никак отмечен не был.

Первой, как мы уже писали, книгой рассказывающей о царубийстве и следствии, была работа английского журналиста Роберта Вильтона. Первое ее английское издание вышло в 1920 году под названием «The Last Days of the Romanovs» сначала в Лондоне в издательстве Thornton Butterwith, а потом в Нью-Йорке в George H. Doran company (последнее в соавторстве с Георгием Густавовичем Тельбергом).

В следующем 1921 г. в Париже в Editions G. Gres вышел французский перевод, подготовленный, видимо, самим автором, хорошо знавшим французский язык: «Les derniers jours des Romanof. Le complot Germano-Bolcheviste. Raconte par les documents».

Наконец в 1923 г. в издательстве книжного магазина «Град Китеж» в Берлине напечатали русский перевод, выполненный князем А.М. Волконским: «Последние дни Романовых».

Fig. 40. Foyer près du " Puits Ouvert ".

Фотография из французского издания книги Н.А. Соколов

Годом ранее, в 1922 г. во Владивостоке генерал М.К. Дитерихс выпустил свой труд «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых».

Мы не знаем, как отреагировал Н.А. Соколов на книгу Роберта Вильтона, а вот его реакция на двухтомник Михаила Константиновича была весьма болезненной. Лишь однажды Николай Алексеевич ссылается на владивостокскую книгу.

Еще недавно, судя по дошедшим до нас письмам Н.А. Соколова генералу (от 22 апреля и 30 июня 1922 г.), следователь считал необходимым отчитываться перед Михаилом Константиновичем о ходе расследования.

Так, в первом из них, рассказав о противодействии ему М.Н. Гирса в доступе к материалам расследования, Николай Алексеевич сообщал: «Мне не оставалось ничего больше делать, как попытаться изъять то, что можно было, дабы [вымарано]... идеальный дубликат подлинника мог бы заменить подлинное дело. Всего достичь было нельзя. Была усвоена точка зрения, что следователь – это техника, т. е. лицо, равносильное чернорабочему. Много скандалил с Гирсом. Кое-как удалось достигнуть прикосновенности к делу».

Указав, что он «обеспечил сохранение документов», далее Н.А. Соколов писал: «Значение всей истины во всей ее полноте гарантировано. После этого я начал работу по продолжению следствия. Никто не может не признать, что главная работа для дела имела место именно здесь».

Никакими сведениями о переписке между генералом и следователем после 1922 г. мы пока что не располагаем. Изменение отношения к М.К. Дитерихсу со стороны Н.А. Соколова фиксируется и в самой книге последнего. В самом ее начале, в разделе «Организация расследования», читаем:

«7 февраля [1919 г.] я получил предложение министра юстиции о производстве предварительного следствия и в тот же день принял от генерала Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

3 марта, перед моим отъездом к фронту, Адмирал нашел необходимым оградить свободу моих действий особым актом. Он принял лично на себя моральную заботу о деле и указал в этом акте, что следствие, порученное мне в законном порядке, имеет источником его волю. Эту заботу он проявлял до самого конца.

После его гибели я прибыл в Европу, где моя работа заключалась в допросах некоторых свидетелей.

Я указал в главных чертах основание, на котором было построено судебное расследование, имея в виду укоренившееся в обществе ошибочное представление об этой стороне дела и, в частности, о роли в нем генерала Дитерихса.

К моему прискорбию, он и сам не удержался на высоте исторического безпристрастия и в своем труде объявил себя высшим “руководителем” следствия.

Это неправда. Генерал Дитерихс, пользовавшийся в военной среде уважением и авторитетом, оберегал работу судебного следователя более, чем кто-либо. Ему более, чем кому-либо, обязана истина. Но ее искала не военная, а судебная власть, имевшая своим источником волю Верховного Правителя. И, конечно, генерал Дитерихс работой судебного следователя никогда не руководил и не мог руководить, хотя бы по той простой причине, что дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество».

FIG. 37. Endroit où dérampa le camion transportant les cadavres.

Фотография из французского издания книги Н.А. Соколов

Этим, однако, дело не кончилось.

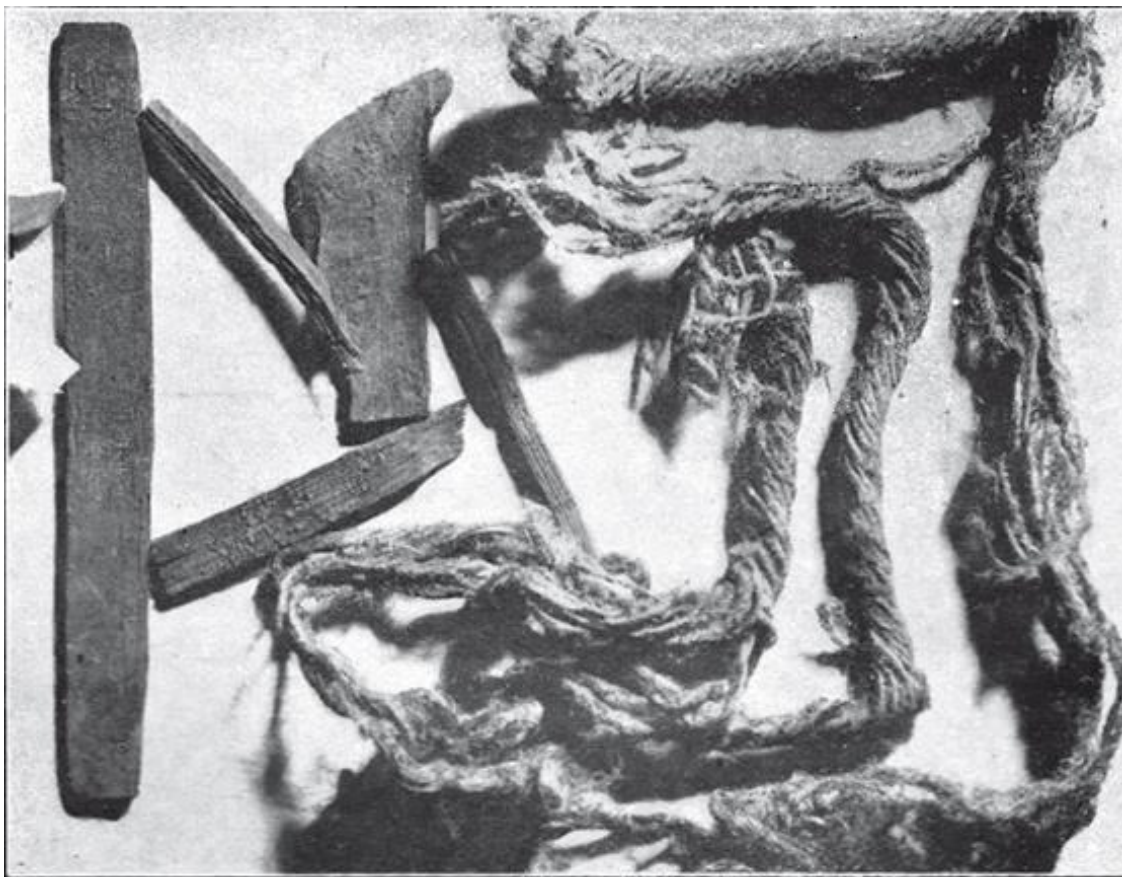
Произошла печальная и, к сожалению, до сих пор не

совсем понятная история, о которой сообщал в своем письме А.А. Вонсяцкому от 11 апреля 1933 г. генерал М.К. Дитерихс.

По словам Михаила Константиновича, после того, как ему стали известны факты, свидетельствующие о «неподобающем отношении» к Царским Мошам, он в апреле 1928 г. снесся с хранившим их М.Н. Гирсом, предложив вернуть ему всё (Реликвии, вещественные доказательства и само дело), как лицу официально на то уполномоченному адмиралом А.В. Колчаком. (Судя по всему, осознал он и роковую роль в отчуждении материалов следствия Великого Князя Николая Николаевича, но, не желая лишних разговоров и скандала, писал об этом уклончиво: «не считаю возможным подвергать огласке обстоятельства».)

Однако на пути требовавшего аннулировать предоставленное им же самим когда-то право генерала возникло препятствие: «...Я был обрисован Гирсу, как человек ненормальный и оклеветан Соколовым в газете Милюкова “Последние Новости”».

Осенью 1924 г., уточняет в биографическом очерке о генерале М.К. Дитерихсе историк В.Ж. Цветков, «Соколов опубликовал сообщение в парижских “Последних Новостях” о якобы принудительном изъятии у него Дитерихсом материалов следствия в Чите в 1920 г.»²²².

Фотография из французского издания книги Н.А. Соколова

Исследователь, к сожалению, не указывает ни номера, ни названия статьи, однако совершенно очевидно, что новые обстоятельства в связи с выходом в 1922 г. во Владивостоке книги генерала возбудили в памяти Н.А. Соколова прежние чувства недоброжелательства в связи с давней, казалось бы давно улаженной, а оказалось, что все-таки не вполне забытой, читинской историей 1919 года.

Сам ли следователь пришел к мысли такой – обратиться в «Последние Новости», или ему «помогли», надоумили, посоветовали – не ясно. Зная редактировавшего газету П.Н. Милю-

кова, принимавшего участие в давлении на того же следователя, допрашивавшего его, кстати говоря, сразу же по приезде в Париж, всё это выглядит крайне сомнительно.

«Алапаевские убийцы». Фотография из французского издания книги Н.А. Соколова

Однако, памятуя о расшатанных нервах Николая Алексеевича и его легко ранимой натуре в сочетании с его новым окружением, игравшим какую-то свою игру, да еще и с отъездом благотворно влиявшего на него капитана П.П. Булыгина, отбывшего во второй половине 1924 г., по приглашению Императора Хайле Селассие, в Абиссинию, нельзя исключать и такого развития событий. Однако, в любом случае, если Н.А. Соколова кто-то использовал в своих играх, то мог это делать не иначе как втемную.

К чести генерала М.К. Дитерихса, тот, по словам историка В.Ж. Цветкова, «на упреки подобного рода [...] не отвечал, оставаясь при всех обстоятельствах верным главной версии следствия: все Члены Царской Семьи погибли».

Михаил Константинович неизменно отдавал Николаю Алексеевичу должное. В цитирувавшемся уже нами письме 1933 г. А.А. Вонсяцкому он писал: «Судебным следователем Соколовым было произведено весьма обстоятельное предварительное следствие по убийству всех Членов Августейшей Семьи и по уничтожению Их тел в июле 1918 года, дополненное собранными вещественными доказательствами по данному делу».

Книга Николая Алексеевича Соколова ставит перед нами ряд вопросов. Почему так долго отмалчивался следователь? Когда автор приступил к работе над ней? Что, наконец, побудило его к этому?

Сам труд этот не мог появиться без материалов, добытых следователем в Европе. Без них это была бы совершенно другая книга, с иным взглядом на случившееся. Выехав за пределы России, встретившись там с важными участниками события и взяв у них показания, Николай Алексеевич получил более точный взгляд на причины, последствия и этапы чудовищного преступления, как бы с высоты Большой Истории, обрета положение, приблизившее его к осознанию подлинного значения Русской катастрофы.

Le juge Sokoloff

Николай Алексеевич Соколов

«Те, кто пытались помешать работе Соколова в Европе из искренних побуждений, – писал П.П. Булыгин, – совершали большую ошибку. Привезенный из Сибири материал был только внешней оболочкой истории, без ее внутреннего содержания. Ипатьевский дом и рудники “Четырех братьев” дали Соколову лишь конкретные детали преступления и несколько смутных намеков последовательности событий, которые, возможно, подготовили их. С другой стороны в Европе Соколов опросил ряд людей, которые могли никогда не быть в Сибири, но которые бросили свет на политическую ситуацию и на характеры людей, непосредственно связанных с событиями, этим помогая ему довести ход мыслей, стоящих на пути разоблачения, до подлинного значения трагедии».

Знавшие Николая Алексеевича единодушно свидетельствовали о его нежелании писать и публиковать книгу, объясняя это чисто юридическими соображениями. (На то же, кстати говоря, – и в разговоре со следователем, и с журналистами – особенно упирал М.Н. Гирс, пытаясь не допустить распространения не выгодной определенным кругам информации.)

«Для друзей Н.А. Соколова, – вспоминал П.П. Булыгин, – было очень нелегким делом убедить его опубликовать материалы следствия. Верный служитель Закона, он хотел дождаться времени, когда результаты его расследования будут официально переданы в руки Прокурора.

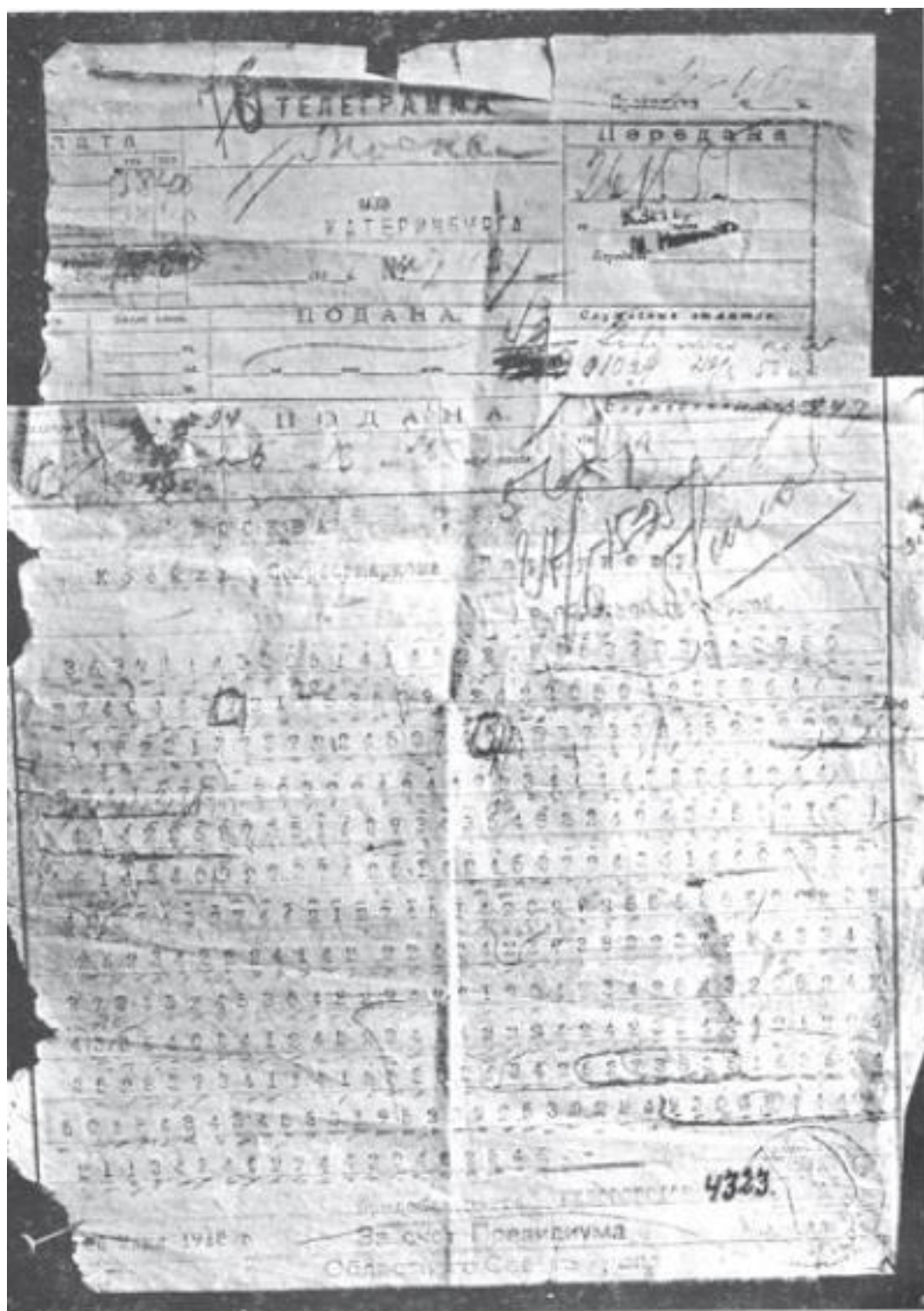
Трудно было доказать ему, что мы – Русские – не имеем Прокурора, так как эта должность – признак цивилизованного правительства, коим мы сейчас не обладаем».

То же самое писал и другой, близкий следователю в последние годы его жизни человек (А. Ирин): «...Соколова очень осуждали и бранили за два его поступка: за опубликование книги о цареубийстве на французском языке и за его поездку в Америку, к Форду. Теперь настало время сказать правду. Главным виновником в обоих этих поступках Соколова, если только за них можно его осуждать, был ни кто иной, как пишущий эти строки. Да, я беру на себя за них главную ответственность... [...]

...Являлась опасность, что русское общество, если и узнает истину, то узнает ее очень не скоро, если только когда-либо ее узнает. Вот почему я и подал Соколову мысль написать книгу, являющуюся как бы конспектом всего следственного производства. Я помню, как Соколов испугался этой моей еретической мысли. Как правоверный следователь, стоявший на почве постановлений судебных уставов, он не допускал возможности публиковать тайны предварительного производства до рассмотрения дела на суде.

А будет ли вообще суд? Наконец, если он будет, то когда? И полезно ли нам держать истину под спудом в условиях нынешней реальной обстановки, когда враги России прилагают все усилия, чтобы извратить истину, чтобы лживой пропагандой подготовить массы к восприятию той фабулы, которая будет выгодна убийцам и их приспешникам. Эти мои соображения сломили упорство Соколова и он принялся за составление своей ныне опубликованной книги».

С этим же юридическим взглядом связано, как нам кажется, то разительное отличие пафоса книги Николая Алексеевича от его предшественников (Р. Вильтона и М.К. Дитерихса). Некоторых современных исследователей это привело даже к ошибочному выводу о вмешательстве в его текст князя Н.В. Орлова.

«Шифрованная телеграмма»

Изучение немногочисленных материалов, связанных с парижским этапом следствия, дает нам основания для утверждения, что многое Н.А. Соколов намеренно оставлял за пределами книги.

Вот один из таких примеров, подробно разобранный нами ранее в одной из наших публикаций. В своих мемуарах «Перед изгнанием. 1887–1919» князь Ф.Ф. Юсупов пишет о «странной находке, которую сделал следователь Соколов в подвале Ипатьевского дома и сам мне о

ней рассказал. На одной из стен были две надписи...» Далее автор дает расшифровку гейневской и каббалистической надписей.

Н.А. Соколов действительно допрашивал князя в Париже 3 и 4 января 1921 г. В свое время мы публиковали до тех пор нигде не печатавшуюся официальную копию протокола этого допроса, заверенную подписью следователя и его печатью, находящуюся ныне в собрании московского музея «Наша Эпоха»²²³.

В публикации был также воспроизведен коммент одного из посетителей нашего ЖЖ (timekiller):

«...В одном из аукционных французских каталогов попало письмо Феликса Юсупова, где неизвестное лицо интересуется Царским делом.

Данное письмо принадлежит кн. Феликсу Юсупову. Оно было обнаружено мной в каталоге русского антиквариата. Это небольшое письмо датировано 10 марта 1958 г. и является ответом неизвестному собеседнику, по всей видимости, проявившему интерес к убийству Николая II, Царской Семьи и Ее слуг:

10 марта 1958 г.

*38 bis rue Pierre Guerin. Paris XIVe.
Jasmin 70–58*

Монсеньер,

Прошу извинить меня за задержку с ответом на Ваше письмо от 27 февраля, вызванную моим отъездом из Парижа.

История “Великой княжны Анастасии” не содержит ни слова правды. Вы можете найти основательную документацию по этому вопросу в книге “La Fausse Anastasie” Pierre Gilliard (изд. Payot 1929). Ее автор был воспитателем маленького Царевича.

Книгу Соколова “L’Enquete sur l’assassinat de la Famille Imperiale Russe” (изд. Payot), как я полагаю, можно найти в любом книжном магазине.

Что касается интересующей Вас надписи, ее перевод был дан мне самим Соколовым, который заверил меня в его подлинности.

Если бы убийцы Императорской семьи были всего лишь профессиональными и неграмотными убийцами, на стене комнаты, в которой произошла бойня, не нашли бы надписи, сделанной по-немецки.

Главным убийцей Императора и Царевича был еврей Янкель Юровский, предводитель банды, в которой были другие евреи.

Это вся информация, какую я могу Вам дать.

Прошу Вас, Монсеньер, принять заверения в моем уважении.

Князь Юсупов.

P.S. Перевод каббалистических знаков я получил от Николая Соколова. Извините за дурной почерк – я болен и прикован к постели»²²⁴.

10 Mars 1958
Monsieur
38me RUE PIERRE GUÉRIN, PARIS. XVII
JAHIN 10-58
Étant absent de Paris, je m'excuse
de répondre avec retard à votre lettre du 27 Février.
L'histoire de la "grande Duchesse Anastasia"
est complètement dépourvue de toute vérité.
La livre qui pourrait bien vous documenter sur
cette question est: "La Famille Anstasia" de Pierre
Gilliard (Ed. Payot 1929). L'auteur était le procureur du
patet Izarévitch.
La livre de Sokoloff "L'Enquête sur l'anonymat
de la Famille Impériale Russe" (Ed. Payot), je suppose,
peut être procuré par n'importe quelle librairie.
En ce qui concerne l'inscription, qui vous intéresse,
la traduction de celle-ci, elle m'a été donnée par
Sokoloff lui-même qui m'a affirmé son authenticité.

Si les exécuteurs de la Famille Impériale
n'avoient été que des tueurs professionnels et
illétrés on aurait pu se trouver l'inscription faite
en allemand sur la mur de la chambre où
eut lieu le massacre. qui a tué l'Empereur et
le principal assassin qui a tué l'Empereur et
le Izarévitch était un juif Yankel Yourovsky, chef
de la bande dans laquelle se trouvaient d'autres
juifs.
Voici tous les renseignements, que j'ai pu
vous donner.

Après, Monsieur, l'expression de
mes sentiments respectueux.

Prince Yourovsky

P.S. La traduction des caractères cyrilliques m'a été donnée par Vital Sokoloff

Pardonnez-moi mais j'ai écrit, je suis malade de lit.

Кроме приведенного, есть и другие примеры того, что следователь знал гораздо больше, чем позволял себе говорить и уж тем более писать в своей книге. О некоторых мы еще, надеюсь, расскажем.

Причин тому было много. Одна из них – сложное положение Н.А. Соколова в эмиграции, оказывавшее на него сильное психологическое давление.

«Я пройду мимо подробностей этой работы, – писал А. Ирин, – хотя она имеет интересную историю. Когда-нибудь история поведаст миру все относящиеся к этому вопросу подроб-

ности. Замечу только, что весть о составлении Соколовым книги взволновала многих и были сделаны попытки помешать появлению ее в свете.

Здесь я должен упомянуть, что благополучному разрешению вопроса много содействовал князь Н.В. Орлов, ведший все предварительные переговоры с издателями. Когда уже был заключен договор с Пайо, к нему явились неизвестные ему до того времени три лица и пригласили его с ним позавтракать. Эти три незнакомца оказались: князь Львов, Маклаков и Милюков.

Во время завтрака указанные трое русских патриотов советовали Пайо не издавать книги Соколова, стремясь подорвать веру в достоверность установленных Соколовым фактов и угрожая провалом книги, в виду отсутствия общественного интереса к затронутой в ней теме.

Пайо внимательно выслушал своих доброжелателей, но вынес из разговора с ними совершенно обратное впечатление: он понял, что появление книги почему-то очень беспокоит как князя Львова, так и Маклакова с Милюковым. Свой завтрак он описал в тонах весьма невыгодных для названных лиц».

Все трое помянутых были людьми отнюдь не случайными, с «заслугами», сыгравшими ведущую роль в февральском перевороте 1917 г.; каждого из них допрашивал в свое время Н.А. Соколов. Маклаков же Василий Алексеевич приложил руку к убийству Царского Друга, а затем, после смерти М.Н. Гирса, возглавил таинственную «Коллегию хранителей» Царских мощей, документов расследования и вещественных доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.